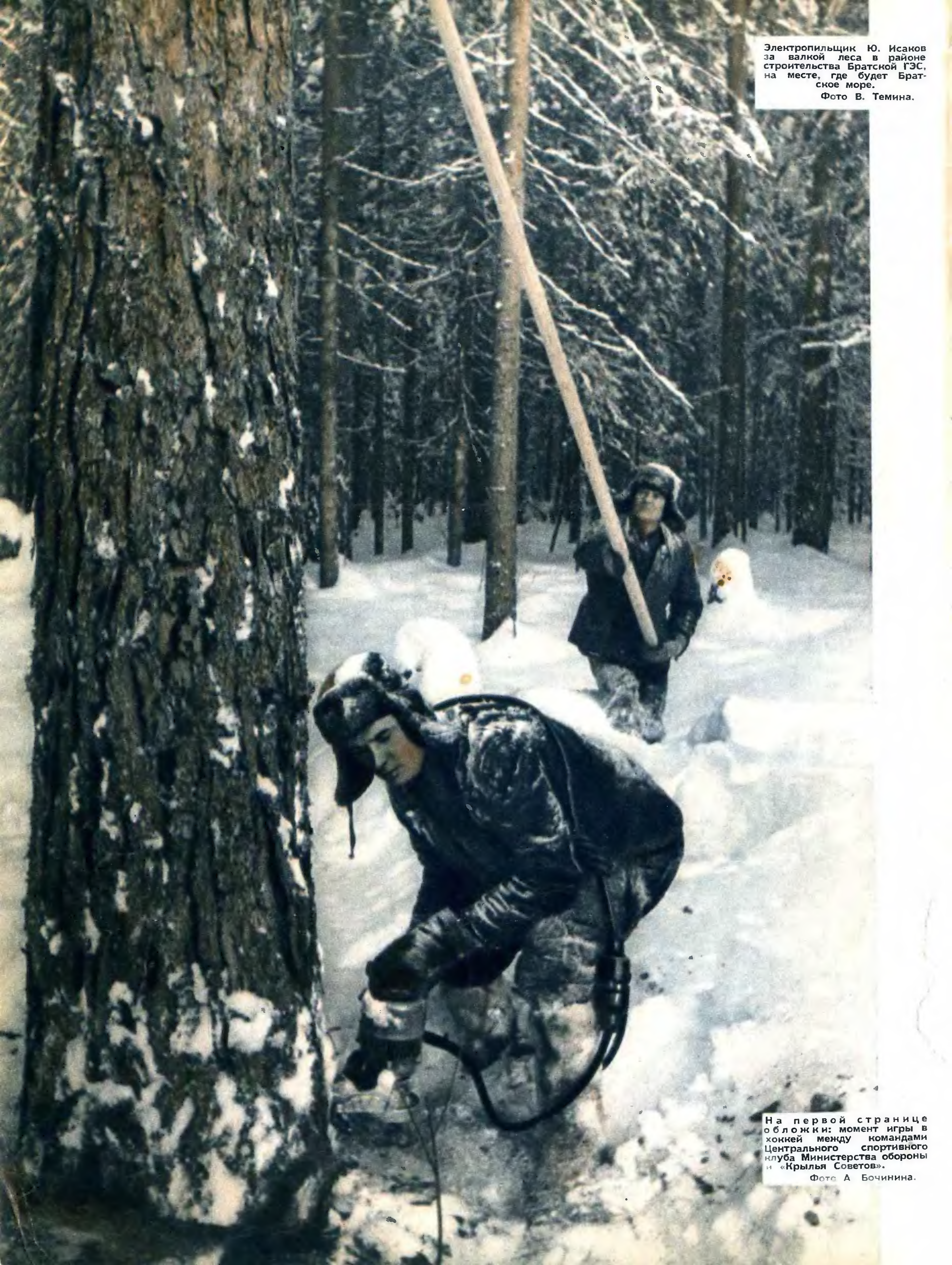

ЦСК
ЦСК
ЦСК
ЦСК
ЦСА
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Электропильщик Ю. Исаков за валкой леса в районе строительства Братской ГЭС, на месте, где будет Братское море.

Фото В. Темина.

На первой странице обложки: момент игры в хоккей между командами Центрального спортивного клуба Министерства обороны и «Крылья Советов».

Фото А. Бочинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 3 (1544) 13 ЯНВАРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КРЕПНЕТ ДРУЖБА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

7 января столица Советского Союза встречала дорогих гостей — Премьера Государственного совета и Министра иностранных дел Китайской Народной Республики товарища Чжоу Энь-лая, заместителя Премьера товарища Хэ Луна и других членов Правительственной делегации КНР.

На снимке: встреча Правительственной Делегации Китайской Народной Республики на Внуковском аэродроме.

Фото Я. Рюмкина.

С 3 по 8 января в Москве находилась Правительственная Делегация Германской Демократической Республики во главе с Премьер-Министром товарищем Отто Гротеволем.

Во время переговоров между Правительственными делегациями ГДР и Советского Союза, которые проходили в духе сердечной откровенности и большой дружбы, выявилось полное единство взглядов обоих Правительств в оценке современного международного положения и отдельных международных событий.

В Совместном Заявлении Правительственных делегаций СССР и ГДР, подписанном 7 января в Большом Кремлевском дворце, отмечено важное значение братской дружбы между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой.

На снимке: после подписания Совместного Заявления.

Фото М. Савина.

В Кремле начались переговоры Правительственных делегаций Советского Союза и Китайской Народной Республики. На снимке: перед началом переговоров.

Фото Б. Кузьмина.

Правительственная делегация Китайской Народной Республики была принята в Кремле Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым.

Фото Б. Кузьмина.

К московской детворе на новогоднюю елку во Дворец спорта приехали гости из великого Китая и Германской Демократической Республики. На снимке: московские пионеры преподносят гостям подарки.

Фото С. Косырева.

8 января из Москвы на родину выехала Правительственная делегация Германской Демократической Республики. На снимке: выступление Премьер-Министра ГДР Отто Гротеволя перед микрофоном на Белорусском вокзале.

Фото М. Савина.

Венгры, возвращайтесь домой!

Рихард КЛИНГЕР,
австрийский журналист

В Австрии сейчас 75 тысяч венгерских беженцев — людей, которые по разным причинам повернулись спиной к своей родине. Часть этих беженцев живет в лагерях, часть — в столице, Вене. Беженцы почти безраздельно завладели некоторыми улицами и кафе, как, например, известной Кернтнерштрассе или кафе в Оперном пассаже. И если вначале австрийцы относились еще сочувственно к покинувшим родину венграм, то сейчас это отношение резко изменилось. Населению Австрии стало ясно, что беженцы бывают разные и смешивать всех в одну кучу не следует. Есть среди них люди честные, которые поддались лжи и подстрекательству радиостанции «Свободная Европа», поверили листовкам, сброшенным с воздушных шаров, но есть и много фашистов, которые, решив было, что настало их время, взялись за оружие, а теперь, когда контрреволюция потерпела поражение, поспешно бежали от расплаты; имеются также молодые люди и девушки, да и женщины постарше, бежавшие в поисках авантюр.

В то время как многие беженцы, живущие в лагерях, стоят с жестяной миской в очередях за супом, другие проводят время в пирушках и кутежах. Они демонстрируют свои туго набитые бумажники и на вопрос, откуда у них такие деньги, многозначительно прикладывают палец к губам. Секрета, однако, здесь нет. Американская радиостанция «Свободная Европа», если перед ее микрофоном говорят то, чего хотят боссы, хорошо платит. Тем, кто идет на такое дело — в большинстве это фашисты времен Хорти,— американское радио предоставляет номера в гостиницах, и им уже нет необходимости спать в бараках на набитых соломой мешках.

— И это беженцы? — спрашивают удивленно австрийцы, провожая глазами важно ступающих господ и дам в элегантном платье.

В газете правых социалистов «Демократише Фольксблатт» можно было прочесть такое признание: «...да позволено будет выразить удивление... у нас полно венгров, и, право, их добротная одежда и упитанность не служат плохой аттестацией для народной демократии... Отели и кафе Вены получили клиентуру с деньгами». В таком же духе высказываются и другие буржуазные газеты.

Я побывал в некоторых австрийских лагерях для беженцев. В Трайскирхене, что в 25 километрах от Вены, в бывшей кадетской школе размещено около 2 700 беженцев. Чтобы выйти из лагеря, его обитатели должны брать пропуск: здание окружено железной оградой, ворота охраняют жандармы.

Чем заняты весь день беженцы? «Учатся»,— говорит один из ответственных администраторов. «Чему учатся?» «Английскому языку!» «А еще чему?» «Английскому языку!..» Иногда им показывают кинофильмы. Какие? В первую очередь американские...

— Есть ли такие, которые хотят вернуться домой?

— О желании вернуться домой заявляют немногие,— говорит начальник лагеря.— Но их сейчас больше, чем в первое время, и больше, чем две или три недели назад.

— И что же предпринимается, чтобы облегчить им возвращение?

Администратор пожимает плечами. Собственно, ничего не предпринимается. Австрийское правительство отклонило просьбу венгерского правительства разрешить доступ в лагери для беженцев комиссиям по репатриации. Беженцы стали для Запада ценным атериалом в «холодной войне». тсюда — стремление отправить как ожно больше этих людей попьше от родины. При этом щед- разрекламированное «западное овеколюбие» распространяется ь на тех, кто может стать дешевой рабочей силой. На женщин и детей спроса нет.

Но большинство беженцев вовсе не хочет уезжать далеко от родины. Лишь за последние дни несколько специальных поездов, прибывших в Австрию, чтобы увезти венгров в Западную Германию, ушли на две трети пустыми. Венгры единодушно заявляют: «Мы хотим оставаться вблизи границы. Понадобится, так мы за сутки пешком до дома дойдем...»

Так заявили мне г-жа Сабо из Будапешта, г-н Дьердь из Шопрона и многие другие.

Почему же они до сих пор не поехали обратно? «Это не так легко сделать»,— говорят они. В лагерях о Венгрии сообщают только плохое. Заявление правительства Кадара о том, что не будет применяться никаких репрессий в отношении вернувшихся беженцев, распространилось в лагере только как «слух». Одни ему верят, другие оспаривают. Единственный источник информации — австрийские газеты. А они полны небылиц, цель которых помешать беженцам вернуться домой.

В лагере у города Винер-Нейштадт несколько недель находился горняк Янош Ковач из Татабаньи. В кармане у этого человека, бывшего председателем «революционного комитета» в своем городке, уже лежал билет на пароход в Канаду. Но в последнюю минуту он раздумал. Случилось это потому, что перед отъездом ему предложили выступить по радио «Свободной Европы» и дали понять, что если выступление перед микрофоном пройдет «удачно», то в деньгах и других житейских благах нужды у него не будет. В мозгах горняка сразу наступило прояснение: а не был ли и его «революционный комитет» таким же надувательством, подумал он, ведь втянул его в это дело некий западный журналист, «случайно» оказавшийся в те дни в Татабаньи! Какой, в самом деле, интерес американцам укреплять социалистический строй в Венгрии? А он-то, Янош Ковач, верил, что борется именно за это! Три дня и три ночи, не смыкая глаз, размышлял горняк. А затем быстро собрался и уехал на родину.

— Почему вы бежали? — спросил я эту крестьянку из-под Дьера.
— Все было так смутно... Я не хотела, чтобы мой сын видел войну,— таков был ответ.— Крестьянка возвращается на родину.

Говорил ли Ковач товарищам по лагерю о своем решении? Нет, не говорил. Потому что в лагере действуют сильные группы бывших хортистских офицеров. И ни один из беженцев не рискует поделиться с соседом мыслями, если дело касается политики. Фашисты терроризируют обитателей лагеря. Именно их и имело в виду австрийское правительство, когда не согласилось допустить в лагери венгерские комиссии по репатриации, ссылаясь на невозможность гарантировать им безопасность.

Нескольким обитателям лагеря в городе Винер-Нейштадт я задал вопрос:

— Почему вы бежали?

— Говорили, будто наш город будут обстреливать советские войска,— сказала простая женщина.

— Был слух, будто всех людей вывезут в Сибирь,— заявил студент из Будапешта.

— И еще говорили: «Бросайте ваши дома как можно скорее, их будут поджигать...»

Эти три мотива можно услышать и двадцать, и тридцать, и даже сто раз: страх перед высылкой, обстрелом, поджогами.

— А разве такое случалось?

— Нет!

Сейчас они все это знают. Но тогда они позволили контрреволюционным элементам одурачить себя баснями, в которые в обычное время никогда бы не поверили. Они же по опыту знали, что советские войска не могут предпринять что-либо подобное против простого народа.

Когда я рассказал, что новое венгерское правительство не боится отчитываться в своих действиях перед народом, что оно прямо говорит об имеющихся трудностях и зовет народ помочь ему, это встретило общее одобрение. Им это нравится, но они все же колеблются. Когда же я вынул из кармана несколько свежих венгерских газет, люди буквально набросились на них, лица их засветились радостью. И я подумал: эти-то найдут дорогу на родину. Рано или поздно правда победит ложь, даже если эта ложь обстреливает людей сосредоточенным ураганным огнем...

В лагерях не раз услышишь: этот вернулся, тот вернулся... Не всегда беженцы идут к границе прямой дорогой. Часто им просто стыдно вновь встретиться с родиной, к которой они повернулись было спиной. И тогда они возвращаются обратно тем же путем, каким ушли в Австрию, нелегально. Но все чаще можно увидеть в газетах сообщения, что такая-то мать или такой-то отец привезли домой своего сына или дочку, что жены телеграфировали мужьям и те нашли дорогу домой.

Первый шок прошел. У молодежи страсть к приключениям сменилась более зрелыми размышлениями. И на предприятиях, где были приняты на работу венгерские беженцы, можешь услышать: «В Венгрии было лучше!»

Многие сотни примеров этому уже известны.

Капиталисты могут распинаться, что они-де расходуют большие средства на так называемую «помощь венграм», но этот прием уже перестает действовать. И нередко можно слышать, как австрийцы говорят венграм:

— Возвращайтесь домой... Каждый должен искать счастья у себя дома!..

Лагерь в бывшей больнице Ротшильда в 18-м округе Вены. В распоряжении беженцев двухэтажные нары и набитые соломой тюфяки.

Лагерь для беженцев в городе Винер-Нейштадт.

ЗАВОДУ—СТО ЛЕТ

Спокойным, неторопливым шагом вошел в заводскую проходную коренастый мужчина. Стряхнув с кепки снег, он остановился перед вахтером и вытащил из бокового кармана пропуск. На темно-коричневой кожаной обложке засверкал золотом силуэт памятника Владимиру Ильичу Ленину — того самого памятника, который стоит за узорчатой оградой Невского машиностроительного завода, носящего имя вождя.

Силуэт памятника Ленину на обложке заводского пропуска — особый знак. Такие пропуска имеют только заслуженные люди, старые производственники. С этим пропуском они могут проходить во все цехи и в любое время.

Вахтер, взглянув на владельца почетного пропуска, посторонился, чтобы пропустить его. Но тот, будто не замечая этой предупредительности, раскрыл документ, на котором тушью крупно было написано: «Сесин Филат Фролович».

— Проходите, проходите, Филат Фролович, знаем вас и так.

Сесин хитровато сощурил глаза:

— Спасибо за память. Но порядок, браток, есть порядок.

Сказав это, старик снова положил пропуск в карман. Глядя, как бодро и уверенно шагает этот человек по заводскому двору, не поверишь, что ему семьдесят семь лет! Сесин — ныне он на пенсии — моложе завода всего на двадцать три года: Невскому машиностроительному заводу имени В. И. Ленина исполнилось сто лет.

В 1857 году на Шлиссельбургском тракте, на берегу Невы, у городской черты возник завод, строивший корабли и паровозы. Чуть не с первых лет существования завода раздавался «бунтарский» голос его рабочих. В 1879-м здесь вспыхнула стачка: рабочие не вытерпели изнурительного труда и бесконечных штрафов.

Каждый раз, когда рабочие поднимались на борьбу, из их среды выдвигались мужественные вожаки. В паровозо-механической мастерской работал слесарем герой-революционер Иван Васильевич Бабушкин. У него на квартире собирался марксистский кружок. Здесь от Владимира Ильича Ленина узнавали рабочие правду жизни. Когда осенью 1894 года на заводе вновь вспыхнула забастовка, рабочие читали обращенные к ним слова ленинской листовки. Эту первую агитационную социал-демократическую листовку Владимир Ильич написал вместе с Иваном Бабушкиным.

Завод сыграл видную роль в техническом прогрессе: выпускал корабли, паровозы. В начале нынешнего столетия с его стапелей сошел ледокол «Вайгач». Этот корабль после революции стал именоваться «Малыгиным» и прославился в арктических походах. На стапелях Невского завода построен и поныне находящийся в строю ледокол «Таймыр».

— Новая жизнь — самая яркая страница в истории нашего завода,— рассказывает Филат Фролович,— началась с тех пор, как декретом Совета Народных Комиссаров, подписанным Владимиром Ильичем, завод был национализирован и стал достоянием народа.

Невский машиностроительный завод имени Ленина — зачинатель многих новых производств. Нет, пожалуй, ни одного металлургического завода и комбината, где не были бы установлены машины с маркой «НЗЛ». Завод первым освоил выпуск высокопроизводительных котлов системы Рамзина, изготовлял траловые лебедки для рыболовецкого флота и лебедки для канала имени Москвы. Невские машиностроители создали первые доменные воздуходувки и мощные приводные турбины. Они же отливали некоторые узлы и детали для гидротурбин гигантских гидроэлектростанций. Завод дал стране и первый газотурбинный агрегат, вырабатывающий электроэнергию на жидком топливе...

Теперь завод имени Ленина поставляет машины не только для отечественной индустрии, но оснащает и зарубежные новостройки. Комсомолец Юрий Сугуров руководит бригадой слесарей второй год. За это время она собрала первоклассные машины для Китая, Вьетнама, Болгарии, Польши...

В дни столетия своего завода невские машиностроители удерживают знамя Совета Министров СССР во Всесоюзном соревновании.

К. ЧЕРЕВКОВ

Ветераны труда Ф. Ф. Сесин и А. М. Соколов беседуют с бригадой слесарей, возглавляемой Ю. Сугуровым.

Фото Б. Уткина.

МОСКВА ВСТРЕТИЛА ОЛИМПИЙЦЕВ. На всем огромном пути от Владивостока, на маленьких станциях и в больших городах, встречали и провожали любители спорта эти два пассажирских состава: они везли победителей XVI Олимпиады — советских спортсменов — и их друзей из стран народной демократии.

8 января в Москве состоялся «финиш» триумфального шествия олимпийских поездов.

Фото А. Бочинина.

Бумага из соломы

Как известно, солома ржи, пшеницы, риса является хорошим сырьем для производства бумаги и картона. Сейчас научно-исследовательскими институтами разработаны новые, прогрессивные способы получения целлюлозы и полуцеллюлозы.

В Украинском научно-исследовательском институте бумаги нас познакомили с интересными расчетами: из одной тонны озимой соломы вырабатывается 400 килограммов писчей бумаги, или 550 килограммов тарного картона. Это значит, что одна тонна соломы может заменить два кубометра древесины.

Подсчитано, что если бы на промышленную переработку поступал лишь один процент соломы от ежегодного ее урожая, то из этого сырья можно было бы получить 1,7 миллиона тонн бумаги и картона.

Сейчас обсуждается план строительства в крупнейших зерновых районах страны, особенно на целинных землях, бумажных и картонажных предприятий.

В. ШУМОВ

← В лаборатории Украинского института бумаги. Лаборантка Н. И. Малахова следит за работой варочного аппарата, дающего соломенную целлюлозу.

Фото Н. Козловского.

ДАЛЕКИЕ ДРУЗЬЯ

Ярким сиреневым светом вспыхнули и замелькали генераторные лампочки, дробно застучал ключ радиотелеграфа. В эфир полетели позывные: УА1КАЕ, УА1КАЕ... Ответ пришел не сразу: нелегко поймать в наполненном звуками эфире голос далекого друга. Но вот в наушниках послышалось:

— УА1КАЕ слушает. У аппарата Алексей Рыкач.

Это имя знакомо многим. Алексей Рыкач служит радистом в антарктическом поселке Мирный.

— Говорит УР2КАА. Привет вам от таллинцев, дорогие товарищи! — передает Роланд Кескер.

— Спасибо, спасибо. И вам привет от жителей Антарктиды!

Таллин уже не впервые говорит с Антарктидой. И не только Таллин: в маленьком эстонском городке Тюри радист Александр Паньков почти каждый вечер говорит с Рыкачом. Кроме общих профессиональных интересов, радистов теперь связывает и личная дружба.

Члены Таллинского радиоклуба по вечерам садятся за ключ радиотелеграфа или к микрофону, чтобы передать слова привета далеким друзьям. УР2КАА, коллективная любительская радиостанция, построена их руками и заняла первое место на всесоюзной радиовыставке 1955 года.

Роланд Кескер, начальник клубной радиостанции, недавно соединил радистов Северного полюса и Антарктиды. Они, как и все полярные радисты, оказались хорошими знакомыми и рады были случаю поговорить друг с другом.

Н. ХРАБРОВА

Р. Кескер (сидит) и Р. Гребенников связываются с далекими радиостанциями.

Фото С. Розенфельда

Работницы на электроламповом заводе

ША ОУ

На цветочную клумбу летят мотыльки,
На бутоны садятся, их крылья легки.
Ваши быстрые пальцы нежным крыльям сродни,—
Как проворно взлетают они!

Как спокойно и радостно покоряются вам
Нитью ставшая медь и тончайший вольфрам!
А стеклянная палочка ало горит.
«Я как персик в цветенье»,— она говорит.

...Солнце
в цех заглянуло.
Изумило его
Ваше тонкое мастерство.

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Необычная крыша

Сборный железобетонный свод главного корпуса домостроительного комбината в Ленинграде.
Фото Б. Уткина.

Когда войдешь в главный корпус сооружаемого в Ленинграде крупного домостроительного комбината, то прежде всего обратишь внимание на крышу. По форме она напоминает огромный, надутый сильным ветром парус. «Это наш ковер-самолет»,— шутят строители. Кажется, еще секунда, и крышу сорвет! Крыша, весящая 570 тонн, держится на четырех угловых бетонных колоннах.

— А вы знаете,— говорят строители,— что колонны внутри пустотные?

— И держат такой груз?

— Точный математический расчет,— отвечают инженеры.

Эта крыша площадью 1 600 квадратных метров была собрана из 135 плит на специальных подмостках у самого корпуса, а поднята и установлена уже в готовом виде. Чтобы она имела верхний свет, в плитах оставлены круглые отверстия для стеклоблоков.

Сейчас собирается вторая крыша такого же размера и готовится еще бóльшая. Сборные железобетонные своды-оболочки дают немалую экономию материалов, времени и снижают стоимость работ. Как показал опыт, такие крыши применимы не только в промышленном строительстве, но и на зданиях вокзалов, выставочных павильонов, рынков, в театральных залах.

К. КОНСТАНТИНОВ

СЧЕТ ЗА АГРЕССИЮ

Фото из английского журнала «Пикчур пост» и западногерманского журнала «Дейче иллюстрирте».

Герберт Хенсон, мэр города Блэкпула.

Этот человек — не участник велосипедной гонки. Это олдермен Герберт Хенсон, семидесятилетний мэр английского города Блэкпула, едет в муниципалитет.

А этот лихой наездник на верхнем снимке справа — не чемпион Англии в конных состязаниях, а промышленник из Бирмингама, мистер Эрик Доновэн.

Оба они выбирали способы передвижения не по своему возрасту и положению, а по необходимости. В Англии наступает нефтяной голод. С середины декабря введено строжайшее рационирование горючего. Цены на бензин повысились. На каждую машину, находящуюся в личном пользовании, отпускается в месяц столько бензина, что его хватает лишь на 200 миль.

Но это не самые серьезные последствия нефтяного голода, вызванного суэцкой авантюрой английских империалистов. Агрессия против Египта тяжело сказалась на английской промышленности. Автомобильные заводы сокращают выпуск своей продукции, так как спрос на нее резко упал. 31 декабря 11 тысяч рабочих компаний «Форд мотор компани лимитед» и «Бриггс мотор бодиз» получили «новогодний подарок»: они были переведены на трехдневную неделю. Представитель английских фирм по перевозке грузов на дальние расстояния по шоссейным дорогам заявил недавно, что многие фирмы могут прекратить свою деятельность из-за нехватки бензина.

Угроза безработицы на Британских островах становится все реальнее.

Нехватку бензина в Англии и в других странах Западной Европы спешат использовать нефтяные монополии Соединенных Штатов. Американские планы поставок нефти в Европу связаны с надеждой на большие прибыли. Цены на американскую нефть уже возросли, и предполагается, что они будут расти дальше. Западноевропейским потребителям этой нефти придется понести дополнительные убытки.

По словам члена английского парламента Джеймса Каллагэна, Англия будет вынуждена до мая затратить 350 миллионов долларов, чтобы сохранить нынешний уровень норм выдачи бензина. Такие расходы могут привести к потере Англией значительной доли своих долларовых запасов.

А. СЕРБИН

Эрик Доновэн, промышленник из Бирмингама.

У этого англичанина месячная норма бензина оказалась израсходованной в дороге. И до дома приходится двигаться так...

Последствия англо-франко-израильской агрессии против Египта в Дании. Очередь за бензином.

Лихорадка

В пескоструйном отделении.

В. КРЮКОВ

Фото М. Савина.

В городе Калинине шутят, что у директора вагоностроительного завода, наверное, имеется служебный вертолет: завод, мол, такой огромный, что без вертолета обойтись трудно... Сравнить с промышленными гигантами Урала или Донбасса этот завод, конечно, нельзя, но для города Калинина он настоящая гордость.

Узнав о назначении на вагоностроительный завод, новый литсотрудник многотиражной газеты обрадовался: можно развернуться!

В первый же день он пораньше явился в заводоуправление, чтобы повидать директора. Ему хотелось поподробнее разузнать о том главном, чем живет сегодня большое предприятие.

Миновав проходную будку, литсотрудник быстро зашагал по припорошенной снегом дорожке. Ему приходилось то и дело прижиматься к обочине: взад и вперед сновали электрокары. Слышался шум станков, вдруг заглушаемый ударами пневматического молота.

Трудовой день был уже в разгаре.

В приемной директора оказалось несколько человек: инженеры, техники, рабочие. То и дело звонил телефон. Секретарша отвечала: «Занят, позвоните попозже», «Занят, у директора совещание», «Занят, разговаривает с Москвой».

Только через полтора часа секретарша сказала, что Иван Алексеевич Лукьянов просит войти.

В глубине кабинета за большим столом сидел человек лет сорока в темно-синем костюме. На высокий лоб аккуратно начесана прядь мягких негустых волос. Газетный работник отрекомендовался, сообщил о цели своего появления и, желая показать осведомленность в жизни завода, спросил, как подвигаются дела с постройкой автоматической телефонной станции, скоро ли сдадут в эксплуатацию жилой четырехэтажный дом для рабочих, для которого в Москве уже спроектирована телевизионная антенна на двести точек. Иван Алексеевич откликнулся не сразу.

— Телефонная станция, дом? — переспросил он после долгой паузы.— Да, все это будет, с этим решено. Если вас интересуют проблемы завода, то нужно говорить, пожалуй, о другом.

Лицо директора выражало гнев.

— Вот, смотрите,— сказал он и, встав из-за стола, пошел к стене, на которой висел график.— Сегодня мы должны быть здесь,— Иван Алексеевич указал на ломаную кривую в правой стороне графика,— а мы еще здесь,— палец директора скользнул по заштрихованным квадратам левой стороны графика.— Целый год не можем подогнать производственный задел до нормы! Нас обвиняют в лихорадке, в авралах, в сверхурочных работах. Так разве Лукьянов по своему желанию все это устраивает? Без регулярного снабжения мы не сможем наладить ритмичную работу. Давно пора это понять. А снабжают нас вот как...

Иван Алексеевич взял со стола кипу телеграмм, подержал ее, как бы взвешивая в руке, и подал корреспонденту. Тот намеревался прочесть их, но директор сказал:

— Походите по цехам, по отделам, и вы все поймете без телеграмм. Потом заходите ко мне. А сейчас, извините, некогда.

Берите, что дают

Из распахнутых дверей железных построек, стоящих рядом с длинным корпусом цеха, вылетают песчаные вихри. Сквозь тучи песка еле видны фигуры людей в скафандрах. В руках у них длинные брандспойты, из которых со свистом вырывается сжатый воздух, смешанный с песком. Хлестко ударяет этот песок в длинные листы стали, сбивая с них окалину. Воздух вокруг густо насыщен гарью и песчаной пылью. Все, кто проходит мимо, норовят отвернуть лицо в сторону. Вот из соседнего помещения выходит рабочий в комбинезоне. Встретив проходящего мимо знакомого человека, он говорит:

— И о чем они только думают! Тут рядом — компрессорное отделение. Компрессоры засасывают песок и выходят из строя. Ведь песок, он хуже наждака!..

Пескоструйка — это сейчас самое «узкое» место на заводе. Работа идет круглосуточно. Образовалось это «узкое» место потому, что металлургический завод «Запорожсталь» перестал поставлять калининским вагонникам прокат, очищенный от окалины. Пассажирский вагон рассчитан на сто лет службы, и поэтому неочищенный от окалины металл ставить нельзя. Чтобы не останавливать поточного производства, калининцам пришлось очищать металл собственными силами и средствами. На первый взгляд в этом нет ничего особенного: прежде очищали сталь там же, где и прокатывали, теперь очищают там, где эту сталь перерабатывают в детали.

Но одно дело — очищать от окалины еще горячий прокат, не успевший подвергнуться воздействию влаги и времени, другое дело — очистка металла, уже помытого дождями и засыпанного пылью.

Чтобы организовать эту работу, калининцы израсходовали с июня по декабрь 850 тысяч рублей. Себестоимость вагона резко взлетела вверх.

Завод «Запорожсталь» поставляет неочищенный металл не одному только Калининскому вагоностроительному заводу. Делает он это потому, что металла прокатывает гораздо больше, чем успевает очистить от окалины. И вот пока там, на «Запорожстали», расширяются цехи окончательной обработки металла, заводы-заказчики вынуждены прибегать к дорогой и довольно сложной операции очистки металла собственными силами. Организуются участки пескоструек, дробоструек, делаются ванны для химической очистки. Вместо оборудованного по последнему слову техники одного цеха на «Запорожстали» появляются полукустарные приспособления на многих заводах-потребителях.

— Не то обидно,— говорит старший мастер пескоструйного участка Владимир Николаевич Дубов,— что самим пришлось выкручиваться. Ведь через год или раньше, когда цехи очистки на «Запорожстали» расширят, все наши приспособления окажутся нерентабельными... И то, на что мы сегодня истратили около миллиона, завтра придется порезать электросваркой и выбросить в лом. Вот что обидно.

...Через день корреспондент отправился в тележечный цех.

У стола начальника цеха его встретили два мастера. Они сидели без дела: работы на участках не было.

— Хотите посмотреть, как мы простаиваем? — хмуро спросил один из них.

Скоро в комнатку начали заходить невеселые люди в комбинезонах и спецодежде. Кое-кто устроился на подоконнике играть в домино, кое-кто читал, кое-кто безнадежно посматривал в окна, в сторону заготовительного цеха, откуда сразу же «с колес» поступает так называемый «лист-14», из которого делают тележки для пассажирских вагонов.

Среди этих тружеников, не любящих сидеть без дела, особенно неловко чувствовал себя парторг, мастер цеха Михаил Арсеньевич Преображенский. С хмурого его лица не сходило выражение досады. Казалось, что ему, парторгу, призывавшему людей к перевыполнению производственных норм, теперь стыдно было смотреть им в глаза: они готовы работать, а работы нет.

СИМВОЛЫ ДРУЖБЫ

Премьер-министр Афганистана Сардар Мухаммед Дауд вручает К. Е. Ворошилову письменный прибор.

Фото Ю. Королева.

Как-то в один из майских дней 1953 года мы были свидетелями встречи членов чилийской профсоюзной делегации, прибывшей в Москву на первомайские торжества, с товарищами из ВЦСПС. Гости, добиравшиеся в СССР на пожертвования своих друзей, передали своеобразные подарки: кустарные, сделанные из конского волоса цветочки, высушенные и раскрашенные тыковки, из которых пьют в Южной Америке популярный напиток мате...

— Пускай эти скромные вещицы, сделанные руками ремесленников юга нашей республики, будут всегда вам напоминать о трудолюбии чилийского народа,— сказал глава чилийской делегации.

Эти простые подарки были для всех очень дороги, как свидетельство интернационального братства трудящихся.

Дары далеких друзей бережно хранятся. Особенно их много в Музее истории и реконструкции Москвы, в Музее Революции, а также в специальной экспозиции ВЦСПС. Свыше тысячи различных предметов получены только профсоюзами в дар от рабочих организаций из 36 зарубежных стран.

В залах Музея истории и реконструкции Москвы из-за стекол витрин смотрят гербы и эмблемы многих городов, жители которых приветствовали столицу Советского Союза. Вот бронзовая волчица, к соскам которой припали двое маленьких ребят. Это герб Рима, запечатлевший эпизод известного каждому школьнику мифа об основании этого города. А рядом — тур, герб города Турина. Тут же герб английского города Вулвергемптона. Он воспроизводит средневековый щит феодала, некогда владевшего укрепленным замком, на месте которого впоследствии обосновался Вулвергемптон.

...За зеркальными стеклами шкафа необычная скульптура: из восьмикилограммового куска антрацита польские горняки высекли фигуры двух шахтеров. Из слоновой кости индийские кустари сделали фигуру «Заклинатель змей» — дар Всеиндийского конгресса профсоюзов.

Подарки от зарубежных друзей получают не только центральные организации, но и коллективы отдельных учреждений и предприятий. «Благодарим вас за искреннюю и бескорыстную помощь» — вышили на красном знамени работники китайского станкостроительного завода в Шэньяне, посылая его своим друзьям — коллективу московского завода «Красный пролетарий». Все эти подарки символизируют единство тружеников различных стран, их любовь к СССР, их стремление к миру и взаимопониманию народов.

Н. ГАБИНСКИЙ

Знамя, присланное рабочими Шэньянского станкостроительного завода.

Дар Варшавы, преподнесенный Моссовету.

«Заклинатель змей» — работа индийских резчиков.

Подарок Моссовету от лорд-мэра города Банкока (Таиланд).

Подарок из Рима.

Когда спросили Преображенского, часто ли бывают простои, он, не отвечая на вопрос, стал рассказывать, как трудно выводить цех из прорыва после простоев.

— В апреле,— сказал Преображенский,— у нас был простой: сталь для пружинных рессор не поступила вовремя. Отстали мы здорово. И на протяжении нескольких месяцев догоняли. Сколько собраний провели, бесед, сколько сэкономили металла!.. Все это дало себя знать. К августу мы вышли в соревновании на первое место по заводу. Но вот наступил конец месяца — и бац! Нет «листа-14»! Бежали-бежали, и вдруг — стоп! Сколько старались, а теперь снова очутились у разбитого корыта. О каком ритме может идти речь, если простояли десять дней?! Теперь нас будут склонять за то, что мы задерживаем поток сборки вагонов. Нелегко нам будет восстановить свою, так сказать, честь. А разве дело только в нашей чести? — с досадой закончил Преображенский.— Вот они,— парторг кивнул на рабочих, толпившихся у стола.— Что они за эту декаду заработают? Как мы будем выходить из прорыва? Оставлять людей на сверхурочные?

— Не положено. Никто этого не позволит,— категорическим тоном произнес председатель цехового комитета Д. И. Зайцев.

— Надо понимать, конечно, что это не капризы дирекции, а крайняя необходимость,— сказал Преображенский. — Дирекции завода тоже нелегко призывать людей к сверхурочным работам. Нужно же учитывать и чисто моральные трудности, которые возникают из-за неритмичного снабжения...

Дорогой выход из положения

Вглядываясь в неритмичную работу цехов и всего завода, бывая на участках прорывов и авралов, корреспондент склонялся к мысли, что во всем виноват отдел снабжения, и, чтобы проверить это, отправился побеседовать с его работниками.

Он открыл дверь с надписью «Группа металлов и метизов» и, войдя в большую комнату с множеством столов, увидел, что за этими столами с телефонами никого нет. Только в глубине комнаты сидел немолодой уже человек с утомленными глазами. Это был Георгий Павлович Большаков, старший инженер отдела снабжения.

— А где же ваши коллеги? — спросил корреспондент.

— Все ушли на «фронт»,— мрачно пошутил Большаков.

Оказалось, что большинство работников отдела разъехалось в разные концы страны в качестве «толкачей».

— А почему же разъехались? Ведь это сейчас осуждено общественностью, было столько фельетонов, высмеивающих толкачество, и теперь снова... — бойко заговорил корреспондент.

— А что же делать? — спросил Большаков.— Надо всеми способами выколачивать заказы. Вот, например, завод «Красное Сормово». На четвертый квартал он нам недодал 80 тонн проката, который идет на изготовление вагонного кузова. Чусовской металлургический завод несвоевременно поставляет швеллера, Магнитогорский калибровочный вместо «круга-52» дает «круг-56». Из «круга-52» мы изготавливаем тормозную аппаратуру. Этого «круга» нужно нам много. Мы поставляем тормозную аппаратуру всем вагоностроительным и вагоноремонтным заводам Министерства путей сообщения, да еще Министерству транспортного машиностроения. Заменяя «круг-52» «кругом-56», мы теряем 600 килограммов металла на каждые 2 500 кранов. Да и вообще замена одного профиля металла другим — дело невыгодное.

Георгий Павлович перебрал на столе кучу каких-то книг и, открыв одну из них, продолжал:

— В 1956 году мы зарегистрировали 876 случаев замены. Всего нашему заводу за 11 месяцев разные поставщики недодали 11 837 тонн металла разных профилей. Чтобы заменить их, мы вынуждены были необходимые нам профили делать из других профилей. При раскрое мы потеряли 931 тонну металла. 931 тонна пошла в отходы. Вы понимаете?.. Из этого металла можно сделать 27 вагонов.

— 27 вагонов из отходов?! — воскликнул корреспондент, открыв от изумления рот. Этот поток цифр поверг его в уныние, но через минуту он собрался с духом и спросил: — А в чем же все-таки причина?

— Вот, например, из «Красного Сормова»,— ответил Большаков,— задолженность в 80 тонн не обещают скоро покрыть, потому что наш заказ дан на прокатный стан, который еще не пущен в работу. И часто заказы планируют на не существующие еще мощности... Иногда причиной задержки поставок бывает железная дорога. Особенно, когда грузы небольшие. Как груз маленький, так и знай: задержат. Железной дороге выгодно, чтобы быстрее выполнить свой план. Она подает большие вагоны, а маленькие — в последнюю очередь. У нас с малыми заказами столько задержек, столько неприятностей, что мой коллега Степан Васильевич Васильев собирается отправить письмо нашему министру. Ведь в шестой пятилетке двадцатитонных вагонов производиться не будет, старые постепенно износятся, как же тогда быть с малыми грузами? Уже сейчас в случае крайней необходимости мы идем на такую меру: возим двадцатитонные грузы в сорокатонных вагонах. Ведь простой завода — это еще хуже...

Большаков отложил в сторону книгу, взял другую, более пухлую, и продолжал:

— Относительно же профилей металла я думаю так. Напрасно у нас ругают металлургов: мол, не успевают справляться с заказами. Они, конечно, повинны в том, что часто дают металл не тех профилей, которые нужны. Но ведь таких заводов, как наш, множество, и если все мы будем требовать свои размеры, металлургам каждый раз надо перестраиваться. Надо подумать о систематизации профилей металла. Ведь такое производство, как наше, работает на устойчивых профилях, в основном-то конструкция вагона не меняется... И пусть эти профили прокатывает один какой-то завод... А сейчас как зачастую бывает? Сегодня наш заказ дали в Магнитогорск, завтра — в Днепродзержинск, и так далее. Металлурги не успевают «перестраиваться», а отсюда и беды и задержки. Работаем сейчас так: что в рот, то и спасибо...

Утром следующего дня литсотрудник снова был в кабинете директора. Иван Алексеевич встретил его неприветливо: расстояние между ломаными линиями на левой и правой стороне графика, висевшего на стене, стало еще больше. Положение со снабжением не улучшалось. Количество телеграмм на столе директора увеличилось.

— Вот, полюбопытствуйте.— Лукьянов подвинул на край стола пачку телеграмм.— Из этих депеш можно целую трагедию склеить.

Литсотрудник взял верхнюю телеграмму и прочел:

«Москва. Главэлектромашпром. Отсутствия генераторов зпт моторов прекращена сдача вагонов тчк Прошу указаний Фесенко немедленной отгрузке минимум по сто комплектов. Вагонзавод Лукьянов».

— А кто это Фесенко? — спросил литсотрудник.

— Когда же будут швеллера? — спрашивает слесарь Константин Жуков у мастера цеха М. А. Преображенского. В центре — слесарь Николай Чуркин.

— Директор Рижского электромеханического завода.

Дальше Иван Алексеевич поведал грустную историю борьбы за генераторы и моторы, историю, которая окончилась тем, что генераторы доставили на... самолете.

Двадцать девять телеграмм и писем, требовательных и трагичных, не улучшали положения со снабжением в течение восьми месяцев. В октябре 1956 года общественность вагонного завода вынуждена была обратиться в ЦК КПСС и ЦК КП Латвии. И только после этого снабжение моторами и генераторами более или менее наладилось.

— Если судить по рассказу, который я слышал в отделе снабжения, с кровельным железом, швеллерами, трубами для отопления дело обстоит не лучше, чем с генераторами и моторами,— сказал литсотрудник.— Что же, вы и это все будете требовать через ЦК?

Иван Алексеевич уклонился от прямого ответа и после паузы сказал:

— Телеграммами и «толкачами» тут вряд ли поможешь. Вопрос ритма снабжения — вопрос сложный. Один наш завод его решить не в состоянии. Он затрагивает не одно, а несколько министерств. Но думаю, что теперь, после декабрьского Пленума ЦК КПСС, дело сдвинется с места.

Много готовых вагонов появляется в конце месяца на участке сдачи.

Подарки друзей

Фото Ю. Багрянского и
В. Киврина.

Бронзовый барельеф, полученный делегацией советских женщин от их зарубежных подруг на Всемирном конгрессе матерей.

Эмблема мира — голубь. Это произведение китайских мастеров подарено ВОКСу китайской делегацией деятелей культуры.

Знамя, переданное итальянскими женщинами Комитету советских женщин.

Подарок Славянскому комитету СССР от славян, проживающих в Бразилии.

Курительный прибор — образец современной французской керамики. Дар трудящимся Москвы от рабочих фаянсового завода в городе Лонгви.

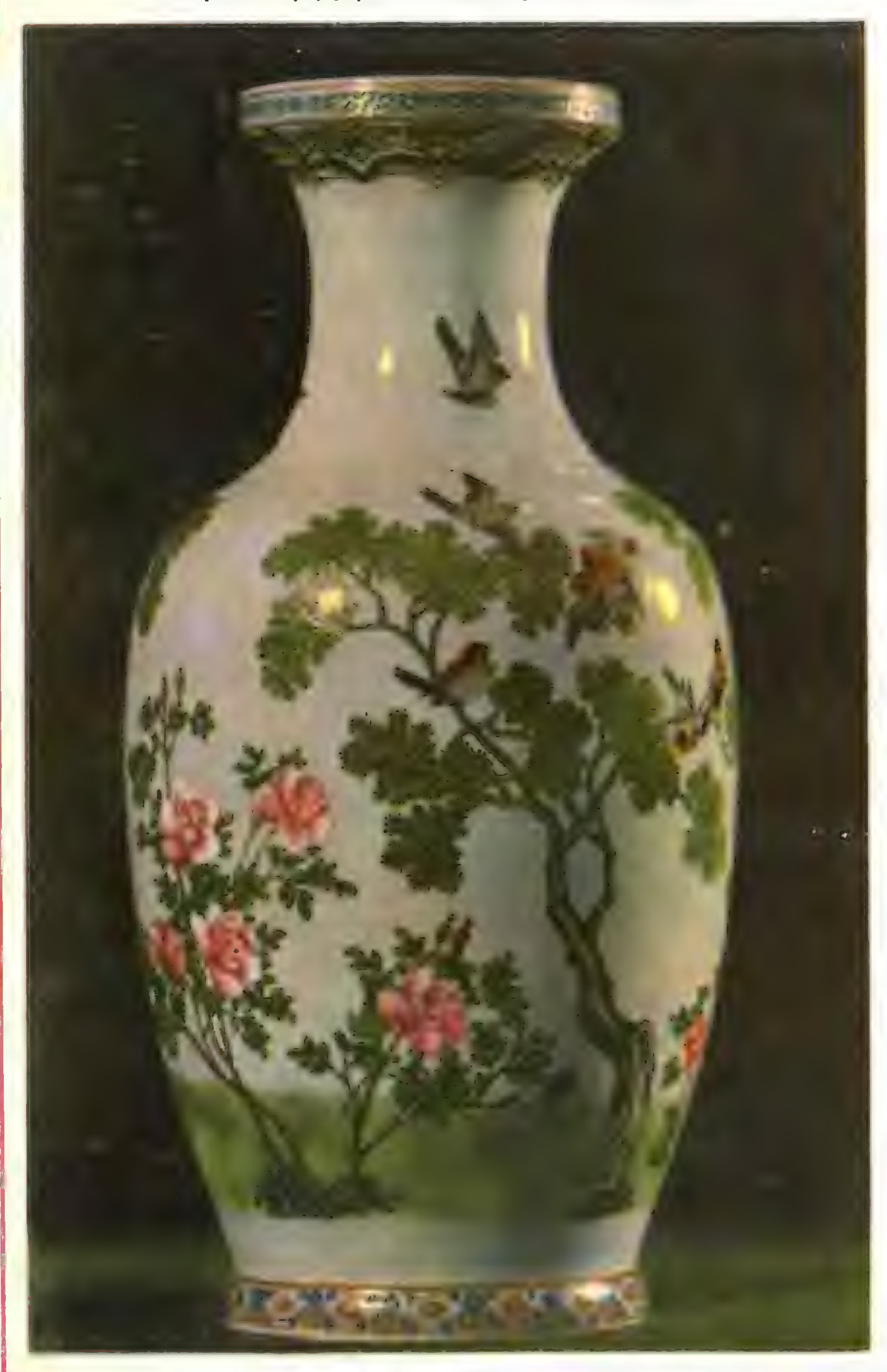

«Чтобы не повторилась Хиросима» — гласит надпись на подарке трудящихся Японии жителям советской столицы.

Знамя — от Партии трудящихся Вьетнама XX съезду КПСС.

Старинная фарфоровая ваза, полученная из Китая.

Блюдо из папье-маше, подаренное Моссовету японской парламентской делегацией.

Герб английского города Вулвергемптона, полученный Моссоветом.

Подарок от болгарских друзей.

ГОДЫ БОЛЬШОГО ТРУДА

Автору широко известного романа «Пушкин в изгнании» Ивану Алексеевичу Новикову исполнилось 80 лет. Вместе с многочисленными читателями мы разделяем чувство большой любви и глубокого уважения к старейшему советскому писателю-романисту, поэту, исследователю «Слова о полку Игореве», другу и воспитателю молодых литературных сил.

Мы знаем, что любовь и сочувствие способны на преувеличение, — тем более в юбилейные дни! — поэтому иные полагают, что критика должна быть делом ума хладнокровного. Но как быть, когда перед читателем встает живой, полный обаяния образ писателя-романтика, запечатлевшего в своих произведениях самые чистые, благородные, возвышенные побуждения, свойственные людям? Ивану Новикову, преклоняющемуся перед светочем русской поэзии и русской культуры — Пушкиным, все самые простые люди в какой-то мере тоже кажутся совершенными созданиями. Он любит их, верит в них, дорожит их любовью. Таков он и в своем творчестве, и в своей долгой, счастливой жизни. Быть чистым и светлым — это тоже немалый дар, а может быть, и труд. Глубокий, как сама жизнь, демократизм пронизывает все, что написано И. Новиковым почти за шестидесятилетие литературной жизни.

Декабрист Пестель, Мария Раевская, генерал Инзов и другие из романа Новикова о Пушкине — это люди, буквально приковывающие к себе внимание своим самобытным умом, определяющим их поступки, поведение. Что же сказать после этого о самом Пушкине, воссозданию образа которого И. Новиков отдал много лет жизни! Читатель по достоинству оценит труд писателя, если обратит внимание на то, что Пушкин для всех нас не обычный литературный герой, а поэт, владыка созданного им волшебного поэтического мира. Предстояло создать образ высокий, с пылающим сердцем бойца, и одновременно простой, человечный, глубоко земной. Поставленную перед собой задачу писатель решил превосходно. Уже самый выбор годов изгнания в пушкинской биографии интересен: известно, что в годы 1820—1826 поэт, как сказочный богатырь, мужал в своем национальном самосознании, в своем пафосе, отрицания произвола и насилия над человеком. И эту сторону — едва ли не самую главную — писатель тоже решил. Надо отметить и другое достоинство романа: показанную в нем атмосферу творческого труда великого поэта, сотканную из мельчайших элементов жизни, мастерства и вдохновения. Так раскрывается в романе процесс зарождения и создания «Пророка» и других шедевров гения русской поэзии. Стоит ли говорить о том, что без художественного воображения, без умения «удерживать вниманье долгих дум...» здесь писателя постигла бы неудача! Все это, вместе взятое, накладывает на роман И. Новикова печать какой-то особой теплоты и духовной близости между поэтом, автором и читателем. И еще хочется отметить большой труд, положенный писателем на создание романа. Изучение источников писатель подкреплял долгими путешествиями по пушкинским местам изгнания: Кавказу, Крыму, Одессе, Бессарабии, Псковской области.

Создание романа о Пушкине было переломным этапом в общественной и литературной судьбе писателя. По словам самого Ивана Алексеевича, он «впервые за долгую писательскую жизнь получил огромную массу читателей». И к пушкинской-то теме он обратился из неистребимой потребности глубже познать нашу социалистическую современность, прикоснуться к источникам отечественной культуры, вчитаться в богатейшую судьбу ее.

А многие ли знают, что Иван Новиков всегда писал стихи? Он только изредка отдавал их в печать. Не спешил. Но вот в ближайшее время выйдет книга его стихов «Под родным небом». Мне, как редактору этой книги, хорошо видно все ее содержание: от философско-лирических раздумий, народных сказок и патриотических «годов странствий» до изящных арабесок. Поэтическая тема книги выступает как большая философская мысль о вечно юной жизни. Новикову родственны улыбка и мягкий юмор, что придает его произведениям большое своеобразие и прелесть новизны, пусть даже выступающей в несколько старомодном обличье. Он всегда молод и вместе с тем мудр. Лучше не определишь, как его же словами из стихотворения «Сирень»:

Тепло с прохладой сочетая
И седину с улыбкой уст,
Вот так и я — как этот куст:
Как смесь и декабря и мая.

Есть в приокских местах сельцо Покров с небольшим колхозом и гуляющими стайками ребятишек на мураве. Мне пришлось пожить там вместе с И. Новиковым несколько дней и истинно насладиться тихой, с легкой лукавинкой речью писателя, его беседами с колхозниками по самым животрепещущим вопросам бытия. Замечательный собеседник, И. Новиков знает, что меткое слово, дружеская шутка сгоняют усталость, возвращают молодость. В Покрове он сочинил следующие строки о себе:

С людьми, с природою, с собою —
Так протекала жизнь — полна
И тем, что добывал я с бою
И что рождала тишина.

«Дачником» в жизни Новиков не был никогда. В молодые годы он работал земским агрономом. Природу, народ Новиков познавал не только через книги.

Много пережито писателем за 80 лет жизни. Работа во время голода среди татарского населения дала ему материал для первого рассказа — «Сон Сергея Ивановича». Революционный подъем 1905 года сильно захватил молодого писателя. За его статьи о забастовке почтово-телеграфных работников была закрыта газета «Киевские новости», а первая его повесть, «Искания», была просто вырвана «с мясом» царской цензурой из журнала.

Так шли годы. И. Новиков стал писателем, драматургом. К 1917 году ему удалось пробиться сквозь густую завесу туманных модернистских настроений. А советский — самый плодотворный — период его жизни и творчества весь перед нами: это его книги, его общественная неустанная работа. Напомним о таком факте биографии Новикова, о котором писатель скромно умалчивает: в 1943 году в газетах появилось сообщение, что писатель Новиков пожертвовал 100 тысяч рублей на самолет «Александр Пушкин».

В годы войны писатель-патриот Новиков выпустил старым на послушание, молодым на поучение свои вольные поэтические обработки русских героических песен и изустных сказок о Мамае безбожном, о Батые на Рязани и Азовском сидении донских казаков. На тематической палитре Новикова всегда тесновато от замыслов и опытов.

Каждый, кто прочитает хотя бы страницу романа о Пушкине, как, впрочем, и других его произведений, заметит своеобразный почерк писателя, особую интонацию, любимые синтаксические обороты. Все это признаки большой творческой индивидуальности. Новиков всегда сознает сложность любой встающей перед ним поэтической задачи. Приведу слова самого писателя: «Очень трудно порою, и от того самого очень интересно... Люблю спорить сам с собою и то выхожу победителем, а то побежденным...»

Высокая требовательность к своему труду помогает И. А. Новикову одерживать значительные творческие победы.

Н. ЗАМОШКИН

Многогранное исследование

Это необычная книга. Из ряда литературоведческих работ ее выделяет не только широта материала — от «Слова о полку Игореве» до стихов Александра Блока,—но и разносторонность исследования. Вы встретите, например, лирическое стихотворение «За чтением Чехова», а затем — большой очерк «Человек и художник», раскрывающий исключительное обаяние Чехова, человека, писателя,— работу, рассказывающую о главных событиях жизни Чехова, его творческом пути. А потом вы познакомитесь с воспоминаниями автора о встречах с Чеховым и прочтете рассказ «Антон Павлович» — о том, как одному хорошему человеку, потерявшему себя после тяжелой личной невзгоды, помог «чудесный доктор» Антон Павлович, томик его рассказов.

Немало уже написано о необходимости изучения опыта классиков русской литературы. Как это можно делать, показал Иван Новиков в недавно вышедшей книге «Писатель и его творчество».

Все средства анализа Иван Новнков подчинил единой цели: раскрыть богатство русской литературы. Ее великие идеи, впечатляющие образы, выразительная речь рассматриваются Иваном Новиковым в нерасторжимом единстве. Художественное произведение для него не механическая совокупность идейного содержания, сюжета, композиции, языка и пр., а живой организм, все члены которого взаимосвязаны и взаимообусловлены. Умение в самой художественной ткани произведения показать идейную задачу, которую ставил перед собою писатель,— ценнейшее качество исследования. С этой точки зрения особенно удачно написана Иваном Новиковым статья «Тургенев — художник слова».

Иван Новиков предлагает читателю еще и еще раз перечитать такие шедевры русской литературы, как «Слово о полку Игореве», «Борис Годунов», «Севастопольские рассказы», «Степь», увидеть их художественные жемчужины. Книга показывает секрет самых простых слов, составленных в самые простые фразы. Может быть, в рассказе «Севастополь в декабре месяце» вы и не обратите внимания на такую фразу Толстого: «...снега нет — все черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами...» И. Новиков пишет: «В самом деле трещит, конечно, не сам мороз, а легонький, свежеродившийся за ночь ледок... То обстоятельство, что мороз «хватает за лицо», свидетельствует, без сомнения, о наличии человека, наблюдающего это утро... И, наконец, то, что мороз трещит «под ногами», показывает, что наблюдатель не стоит на месте, а идет». Таким образом, вовсе не упоминая специально о своем герое, Толстой рисует его перед читателем.

Бесконечная увлеченность Ивана Новикова любимыми

писателями делает его работу очень интересной и живой.

Л. ШИЛОВ

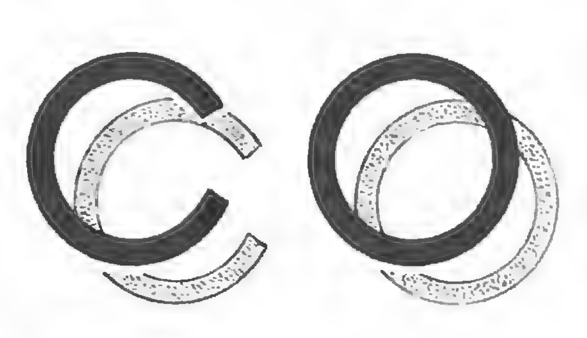
Иван Новиков. Писатель и его творчество. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 524 стр.

Рассказ

И. ИРОШНИКОВА

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

День клонился к вечеру, а солнце все еще жгло нестерпимо. Некстати жарким выдался этот конец июля. Александра Петровна возвращалась домой с работы. Уцепившись за руку матери потной ручонкой, Таня неохотно плелась за ней. Александра Петровна шла, повторяя в уме грамматику: «Сложносочиненным называется предложение...» Каждую свободную минуту она что-нибудь повторяла теперь. Через несколько дней начинались вступительные экзамены.

Ни тени, ни ветерка! Открытое беспощадному солнцу шоссе. Податливый, плавящийся асфальт под ногами.

Разомлевшая Таня, надвинув панамку на самый нос, шла, как слепая, и все время хныкала: «Пи-ить...»

— Танечка, потерпи,— говорила мать.— Ты ведь только что пила молоко в детском садике.— С дочерью Александра Петровна всегда старалась говорить спокойно и вразумительно.— Погляди, собачке вон тоже жарко, а она терпит...

Бредущая навстречу собака дышала шумно и часто. Темные, с подпалинами бока ее то поднимались, то опускались. Из оскаленной пасти бессильно свешивался розовый мягкий язык. Таня замолчала и тоже высунула язык. Может, так и впрямь легче?

Они свернули в тенистую улочку. Здесь стояла прохладная тишина. В невысохшей луже бултыхались сытые соседские гуси. От свежескошенной, разбросанной у дворов для просушки травы поднимались горьковатые медовые запахи. Над забором взметнулся мяч и поплыл в голубом просторе.

— Берите! Берите! — послышался чей-то захлебывающийся вскрик, за изгородью мелькнули пестрое платье и загорелые руки.

Александра Петровна вошла в калитку, выпустила Танину ручку, достала ключи.

Таня развалилась было на пыльных ступеньках, но тут же вскочила, испуганно втянула голову в плечи: мяч летел прямо на крыльцо.

На площадке отчаянно завизжала Маша:

— Берите! Александра Петровна, берите!

Александра Петровна подалась всем телом назад, чуть присела, взметнула руки.

— Здорово! — ахнули на площадке.

— Александра Петровна, идите к нам! — не отрывая глаз от мяча, звала Маша. Косы ее расплелись, распушились. На раскрасневшемся счастливом лице блестели капельки пота.— Душечка, Александра Петровна, идите! Хоть один разок сыграем как следует!

По другую сторону сетки высилась длинноногая, юношески нескладная фигура Сергея. Поодаль от него, почти не принимая участия в игре, стояла Нина. Пухлые губы ее были сердито сжаты. «С ума сойти, в такую жару в волейбол!» Приехали к Маше на дачу в гости, и Нине хотелось отдохнуть, искупаться, полежать в холодке, обсудить события школьных дней и виды на будущее (десятиклассники, как никак, последний год в школе), перекинуться в дурачка или завести патефон... А Машу точно бес подмывает все время. Сперва потащила их за кувшинками на какое-то озеро. Говорила, тут рядом... Оказалось — такая даль, километров пять, не меньше, по лесу! Заблудились. Попали в трясину. Сережка выпачкал белые брюки. Он, видите ли, стеснялся идти в трусах! Да и никакое это не озеро, рядовое болото! Возможно, пиявки есть. Кувшинки от берега далеко. За кувшинками Нина не полезла. А Сережка с Машей полезли. И целый час стояли по плечи в этой черной вонючей воде. Объяснились! Нашли место для объяснений! Наконец вернулись на дачу. Пообедали. Не успели как следует отдохнуть — и на тебе, волейбол! Носятся, как угорелые, по площадке...

А Маша все зазывала:

— Александра Петровна!

Александра Петровна, чуть улыбаясь, стояла на крыльце.

— А кто же Таню будет кормить? Готовить ужин? Скоро вернется муж.

Серьезная Таня сидела на ступеньках и, подперев кулачком подбородок, с интересом ждала.

— Один разочек! Десять минут, не больше! — просила Маша.

— Эх, была не была! — Махнув озорно рукой, Александра Петровна сбежала с крыльца и стала напротив Маши.

Таня сразу захныкала:

— Мама, я есть хочу...

— Нина, давай сюда. Мы с тобой, а Сережа с Александрой Петровной,— распоряжалась Маша.— И не стой ты, пожалуйста, как сонная муха...

Мяч летал через сетку, не касаясь земли.

Александра Петровна играла молча, морща губы в улыбке. Смуглое лицо ее разгорелось. Движения были сдержанными и точными.

А Маша, охваченная веселым азартом игры, носилась за мячом по площадке, приседала, падала на колено и отчаянно визжала при этом:

— Берите, берите!

— Бирити... Бирити... — скорчив злую гримаску, Таня передразнивала ее. Она сидела, взгромоздившись на спинку стоявшей у самой площадки скамьи, и грозилась: — Папке все расскажу...

Нина неловко мазнула рукой по мячу. Мяч пролетел над самой Таниной головой.

Таня схватилась руками за голову и заревела.

Испуганная Александра Петровна бросилась к ней.

— Притворяется! — убежденно сказала Маша. Ей все время казалось, что Танька вообще притвора и нарочно портит жизнь своей матери. — Врет она все! Я видела, мяч даже панамки ее не задел.

Но Александра Петровна, прижимая всхлипывающую Таню к себе, уже несла ее на крыльцо.

Вечером Маша провожала гостей на станцию. Они с Сергеем шли рядом, размахивая руками, и горячие пальцы их иногда встречались.

Нина независимо шла впереди и, делая вид, что очень довольна проведенным днем, напевала:

Сердце красавицы склонно к измене...

Электричка уже стояла у станции.

— Не успеем, пожалуй, на эту, — с надеждой сказал Сергей.

— Ты, конечно, можешь и не успеть, — ответила Нина, — лично я уеду на этой. — Она быстро поднялась по лестнице, ведущей к платформе.

Сережа робко взглянул на Машу, и Маша поняла, как ему хочется остаться. Словно испугавшись чего-то, она заторопила его:

— Беги же, беги скорее!

Он побежал, большой, длинноногий, перепрыгивая сразу через несколько ступеней.

А Маше вспомнилось, как еще в пятом классе, услыхав впервые, что их школу сольют с мальчишечьей (слухи эти ходили несколько лет подряд), она тотчас стала закладывать косы корзиночкой, чтобы не оставалось концов. Боялась, что мальчишки обязательно будут макать их в чернила или обрежут еще, чего доброго! От мальчишек можно всего ожидать. «Глупая какая была, девчонка», — грустно и снисходительно, как о ком-то другом, подумала Маша о себе.

Электричка давно отошла от станции, а Маша все стояла у лестницы и все как будто ждала.

Россыпи искр летели от проводов. Тревожно гудя, возникали из тьмы электропоезда. Говорливые толпы заполняли платформы, сбегали по лестницам и тотчас сливались с теплой, полной теней и шорохов темнотой. Только слышался звук шагов да скрип отворяемых калиток.

В окнах их половины погашен свет. Бабушка, видно, уже легла. Свет у хозяев еще горит. Занавески отдернуты. Душно. У открытого окна сидит Александра Петровна. Она проворными пальцами чистит ягоды для варенья. Губы ее тихонько шевелятся. Видно, опять что-то повторяет. Раскрытая книга лежит перед ней. Александра Петровна нет-нет, да и глянет в книгу.

«Еще не хватало ей варенье варить сейчас, — сердито думает Маша, вспомнив, что сегодня в обед Иван Степанович привез и оставил у бабушки целую корзину крыжовника. — Пусть бы сам и варил, если хочет...»

Маша пробирается тихонько к окну меж кустами расцветших георгинов. Если Иван Степанович еще не вернулся, она пойдет к Александре Петровне, — все равно сейчас не уснуть. Будет чистить ягоды вместе с ней и повторять грамматику... Раньше, когда до экзаменов было еще далеко, Александра Петровна, уложив Таню, каждый вечер приходила к ним на террасу, садилась на ступеньки и говорила: «Споем, что ли, Машенька!» Александра Петровна любила петь. А теперь она каждый вечер решает задачи с Машей или учит грамматику. Маша кладет перед собой учебник и спрашивает разные правила. Александра Петровна отвечает, запинаясь, робея, как девочка, и морщит губы в смущенной, чуть виноватой улыбке.

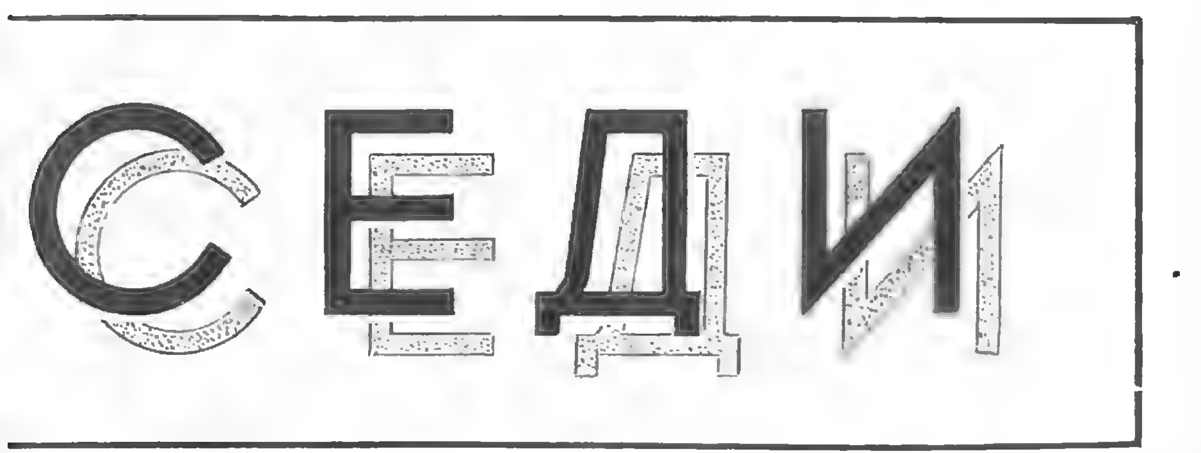
Трудно ей. Окончила девять классов в сорок первом году и больше с тех пор не училась. Сначала война, фронт, потом Татьяна. А теперь поступает в медицинский техникум...

Маша пробирается между кустами к окну. Она хочет окликнуть Александру Петровну, но видит на спинке кровати ноги в темных брюках и клетчатых носках. Это отдыхает Иван Степанович. Больше ничего не остается, как идти спать, и Маша тихонько пробирается на свою половину.

В комнате душно. Перед сном бабушка наглухо закрывает окна. Она до смерти боится воров. Осторожно, чтобы не разбудить ее, Маша распахивает оба окна, раздевается, ложится.

Обычно, добравшись до подушки, она сразу засыпает, а сегодня лежит с открытыми глазами и думает. Она не звала Сережу к себе

на дачу и, уезжая после экзаменов, никому не сказала даже адреса, потому что не знала его сама. Только название станции: Семиозерная. Но Сережа нашел ее и без адреса. Конечно, это просто удача. Почти как чудо! (Если правду сказать, Маша верит немножко в чудеса, только не признается в этом.)

Очень тихо вокруг, и поэтому сквозь тонкую стенку, отделяющую комнату дачников от хозяйской, отчетливо доносятся шорохи, звуки. Шуршит бумага — это Иван Степанович перед сном просматривает газету. Тоненько звякает стекло — это Александра Петровна, достав из буфета банку, засыпает ягоды сахаром. Плещется в рукомойнике вода — Александра Петровна моет руки.

Потом Маша услышала ее приглушенный голос:

— Что я тебя попрошу, Ванюша...— И тотчас представила себе, как Александра Петровна стоит у кровати и, вытирая руки о полотенце, глядит на мужа своими карими ласковыми глазами.— Ты продиктуй мне одно упражнение, коротенькое, на полстранички всего!

В ответ ни звука. Маша напряженно ожидает ответа.

— Ну, Ванюша! — не то спрашивает, не то просит Александра Петровна.

— Да ну тебя, Саша, с твоим диктантом, — сердито шурша газетой, откликается наконец Иван Степанович. — И так голова не варит, устал. Давай лучше спать ложиться.

«Видали? — возмущается Маша. — Он устал! А жена не устала! Он приехал с работы и лег отдыхать. А она пришла с работы, сколько дел уже переделала! Неужели все мужья бывают такими?» — горестно думает Маша и мгновенно представляет себе, как ее, Машин, муж, вернувшись домой с работы, басом говорит ей: «Да ну тебя, Машка, с твоими делами. Отвяжись, я устал!»

Она силится увидеть этого мужа, которого терпеть не может уже заранее. А перед ней неожиданно возникает Сережа. Он глядит на нее с застенчивой нежностью, как тогда, на озере, когда они стояли в воде.

Маше сразу становится весело.

— Ну, уж нет,— тихонько говорит она в темноту.— Мне мой муж такого не скажет! У меня такого мужа не будет. Дудки! — И смеется чему-то затаенно и счастливо.

Маша закрывает глаза и слышит, как Александра Петровна говорит:

— У нас в поликлинике, Ваня, одна твоя колхозница нынче была. Волкова Степанида. Так она мне рассказывала... — Дальше Маша не слышит, Александра Петровна понижает голос до шепота.

Душистая прохлада июльской ночи, вливаясь в окна, словно укачивает Машу, и Маша уплывает куда-то и уже, как будто во сне, слышит обиженный голос Ивана Степановича:

— Разве это жена, которая за мужа заступиться не может?! Разве это жена, которая молчит, когда мужа кроют?.. Видно, недаром мой отец говорил: нет у тебя рвения к своей семье...

Обхватив руками колени, Маша сидит на траве в тени, а Таня, бегая взад и вперед, таскает ей из дому свои книжки с картинками:

— Вот еще эту посмотри!

Александра Петровна прямо с работы поехала в город на консультацию и попросила Машу взять из детского сада Таню. У Александры Петровны послезавтра первый экзамен. Без матери Танька не вредничает, ластится к Маше и называет ее Машулей.

Расстелив одеяло, Маша с Таней устраиваются в саду. Маша сидит, обхватив руками колени. Хорошо! Солнечные пятна и тени лежат на траве. Сладкий дух идет от кустов, от разогретой солнцем листвы, от тугих темно-розовых ягодок малины. А Танька страшно боится, что Маша сбежит на речку и оставит ее одну или позовет соседских девчонок играть в волейбол. Поэтому она развлекает Машу, как может. Носит ей свои книжки с картинками и даже притащила семейный альбом.

— Хочешь, Машуля, покажу, какая я маленькая была?

На первой странице альбома фотография деда с окладистой бородой. Волосы его по старинке разделяет пробор, и они свисают к ушам прямыми прядями. За густыми усами угадывается жесткий рисунок рта. В узких глазах хитроватая усмешка.

— Это дедушка, папкин папка, — сообщает Таня.

— Знаю! — неодобрительно говорит Маша, вспомнив, как ночью Иван Степанович попрекал Александру Петровну его словами: «Нет у тебя рвения к своей семье...»

Маша перелистывает страницы альбома. Мелькают фотографии, лица... Вот и Иван Степанович. В кителе, с погонами лейтенанта. Взгляд у него уверенный. Гордый поворот головы. В упрямой линии подбородка, в очертаниях властного рта, в суженном разрезе глубоко посаженных глаз фамильное сходство с дедом.

«Орел, что и говорить! — недобро думает Маша, вспоминая, как насмешливо-ласково спрашивает обычно о муже Александра Петровна: «Орел мой не заявлялся еще?». А пережитки у него от деда, наверное. И как это Александра Петровна сразу не разглядела?».

— Девочки, ужинать! — зовет с террасы Машина бабушка. — Чайник уже вскипел.

Таня тотчас бросает книжки и с готовностью смотрит на Машу.

— Сейчас, — откликается Маша, — сейчас идем! — И быстро листает страницы — только бы досмотреть! Но на одной удивленно задерживается. Фотография вся пронизана легким светом, ощущением ясного весеннего дня. На аллее меж густыми деревьями двое: парень и девушка. Оба в гимнастерках с погонами (у девушки погоны солдатские). Оба с медалями на груди, оба очень молодые и как будто очень счастливые. В левом уголке фотографии надпись фиолетовыми чернилами: «Саша и Ваня. Германия — май 1945 года».

Маша вглядывается в фотографию. Милое,

чуть скуластое, с широкими задумчивыми бровями лицо Александры Петровны — Саши — приподнято к спутнику. Она усмехается, словно поддразнивая его, с лукавинкой, с озорством, а глаза у нее при этом доверчивые и как будто светятся ласкою.

А Иван Степанович — Ваня, — склонившись к ней, крепко держит ее за локоть, словно боится упустить. Он совсем сейчас не похож на деда и совсем другой, чем на своей фотографии двумя страницами раньше. Лицо у него мальчишеское, доброе и немного растерянное. И почему-то напоминает Маше Сергея... тогда, на озере... Хоть совсем он и не похож на Сергея. Маша смотрит на фотографию, и сердце ее сжимается. Ведь видно же, что такая любовь была! А теперь... Неужели всегда так бывает?

А бабушка все зовет с террасы:

— Девочки, ужин совсем остынет!

Как будто это так важно — ужин! Да пропади он совсем...

Таня уже поужинала и, громко прихлебывая, пьет из блюдечка чай. А Машу одолевают мысли. Она задумчиво ковыряет вилкой в тарелке.

— Вечер добрый! — На ступеньках Иван Степанович. Не видя Тани, спрашивает: — Жены моей нет у вас?

— Мамы нету, — объявляет радостно Таня. — А я тут. Я пью чай.

Иван Степанович, устало присев на ступеньку, вертит в руках пропыленную, выгоревшую от солнца фуражку.

— Видите, как получается. Ребенка бросила! — В голосе его укоризна.

— Жена ваша в техникуме, — объясняет бабушка, — на консультации.

На лице у Ивана Степановича обида:

— Видите, как получается. Муж приехал с работы, голодный, а накормить некому. — И поднимается. — Пойдем, Танюшка... в закусочную!

Танька таращит на Машу темные, круглые глазенки и не трогается с места.

— Ах, бедняга! Ах, казанская сирота! — подсмеивается бабушка. — В закусочную! Мойте лучше руки да садитесь обедать. Саша просила вас накормить.

— Видите, как получается, — нерешительно говорит Иван Степанович, — вы на дачу приехали, отдохнуть. А вам еще чужие заботы!

Он умывается долго и тщательно. Потом обливается холодной водой прямо из ведра у колодца и приходит на террасу вымытый, свежий, с мокрым ежиком темно-русых волос. На загоревшем лице его поблескивают серые, с яркими зрачками глаза.

Бабушка наливает в тарелку алый пахучий борщ. Она южанка и варит его по-южному: с красным перчиком, с чесноком.

— Ну что за закуска! — с удовольствием говорит Иван Степанович. — Под такую закуску грех не выпить. Вы уж не осудите, Надежда Андреевна. — Он приносит из дому неполную четвертинку, наливает бабушке, себе. — А может, и Машенька выпьет с нами?!

— Я пока что еще не пью, — гордо говорит Маша.

Она берет книгу, садится на ступеньках, прячет в книгу глаза.

— Ну, будем здоровы! — Иван Степанович чокается с бабушкой, выпивает стопку до дна и заедает борщом.

Бабушка, чуть прикоснувшись губами, деликатно ставит рюмку на стол.

— Таня, а Таня, кончай чаевать, пошли, — предлагает Маша. Не под силу ей сидеть сейчас на террасе.

— Я же не выпила чай, Машуля! — Таня показывает ей свою чашку.

Иван Степанович, заморив червячка, неторопливо, со вкусом ест мясо и рассказывает бабушке о колхозных делах.

Иван Степанович — председатель колхоза «Светлый путь». Председателем он недавно, с прошлой осени. А до этого работал в районном земельном управлении.

Колхоз подмосковный, трудный. Состоит он из трех соседствующих с Семиозерной деревень. Иван Степанович, который любит поговорить о своих делах, жалуется обычно, что люди «надеются не на трудодень, а на рынок», что поэтому в них «особого рвенья к колхозу нету». И что надо «ломать психологию в самой основе»...

Сейчас он рассказывает бабушке про какую-то женщину — бригадира овощеводов. Колхоз посылает ее на курсы, а муж возражает, не хочет отпускать...

— Женщину эту, Чепурнову Марину Ефимовну, — с чувством говорит Иван Степанович, — я на двух мужиков бы не променял. Женщина эта в работе золотая: в чем хочешь на нее положись. И с перспективой к тому же. Немолодая, семейная, а поглядели бы вы, Надежда Андреевна, как она стремится к учебе! Грех такую не поддержать.

Маша, уткнувшись в книгу, крепко сжимает губы.

«О чужой беспокоишься! — хочется ей крикнуть в лицо Ивану Степановичу. — А что собственная жена стремится чего-то достигнуть в жизни, тоже ведь немолодая — тридцать лет для Маши никак не молодость, — семейная, до этого тебе дела нет?»

— А как муж заупрямится, не отпустит? — интересуется бабушка.

Таня допила чай и слушает, кулачком подперев подбородок, глаза у нее сонные, осоловелые.

— Отпустит! — хитро прищурясь, подмигивает Тане Иван Степанович. — Отпустит! Я с ним завтра по-свойски поговорю. Вечерком заеду с поллитром, чтобы разговор получился... А заупрямится, вызовем на правление. Если сознания своего не хватит, так мы подбавим. Что ж, он надеется всю жизнь ее у горшков продержать?

— Хорошие женщины нынче пошли, — говорит задумчиво бабушка, — крепкие... Вот я на свою невестку смотрю... — Маша сердито вскидывает голову: не хватало еще ему про маму рассказывать! И бабушка, встретясь глазами с Машиным гневным взглядом, тотчас делает поворот... — Или вот на вашу жену, Александру Петровну... Трудно ей достается, Иван Степанович! А ведь молодая, красивая, могла бы совершенно иначе жить. Да другая на ее месте...

Бабушкина дипломатия шита белыми нитками, и слушать это Маше противно. Она порывисто поднимается, вытаскивает полусонную Таню из-за стола, берет ее на руки. Сил на сопротивление у Тани нет, она покорно обхватывает Машу за шею липкими от печенья ручонками.

Маша уносит Таню с террасы и слышит, как подобревший, сытый Иван Степанович проникновенно говорит:

— Я, Надежда Андреевна, как матери, вам признаюсь, я свою жену исключительно уважаю и жить без нее не мыслю... Я вам прямо скажу, Надежда Андреевна, если я прихожу домой, а Саши нет, так мне уже отдых не в отдых, как бы я ни устал. В моей жене для меня есть что-то такое... успокаивающее...

Маша сидит на ступеньках террасы и, закинув голову, смотрит в небо. Вечер сырой и тихий. Звезды еле проблескивают сквозь туман.

Послезавтра уже воскресенье. Может приехать Сережа... Но Маша решила твердо: она сговорится с соседскими девочками и уйдет с ними в лес по грибы. С самого раннего утра и до самого позднего вечера — чтоб Сережа ее не дождался. Не может она видеть его сейчас. Отчего? Ну как это объяснишь? Словно тень чужой жизни легла ей на душу. И гнетет, и тревожит, и заставляет думать...

Слышатся скрип калитки, шаги. Это вернулась из города Александра Петровна.

Не заходя домой, она идет на террасу к дачникам. Лицо у нее усталое, оживленное.

В волосах блестящими капельками осел туман.

Александра Петровна с размаху кладет тетрадь на перила, присаживается на ступеньках около Маши и весело говорит:

— Ну и засыплюсь же я на экзаменах, Машенька! С треском, с грохотом!

— Спорим, что не засыплетесь, — отзывается Маша. Она так желает удачи Александре Петровне! — Вы, небось, сегодня всё знали, что на консультации было.

— Вообще-то кое-что знала, — сознается Александра Петровна, и губы ее морщит довольная улыбка. — Не всё, конечно! Но на бо́льшую часть вопросов ответила бы, если б было время подумать. — И, увидев выходящую из комнаты бабушку, спрашивает: — Орел мой не заявился еще?

— Спит уже твой орел, — отвечает, позевывая, бабушка. — И орел и орленок спят. — Она бросает на Александру Петровну внимательный взгляд. — Ишь, как глаза у тебя ввалились! Целый день не ела, небось?

— По-моему, я сегодня обедала, — не сразу припоминает Александра Петровна.

— По-твоему! Садись-ка, пей чай, пока горячий.

Александра Петровна намазывает хлеб маслом, с аппетитом ест и запивает чаем.

— Ты послушай-ка, Саша, что я тебе скажу, — подсаживаясь к ней, негромко говорит бабушка: — Вот я сегодня целый день думала: учеба, конечно, учебой, но ведь и семья твоего внимания требует. И спроси меня, старую: «Что для тебя важнее?» Так я тебе прямо скажу: семья! Семья! — повторяет она с нажимом.

Маша сердито пожимает плечами. Александра Петровна глядит на бабушку удивленно: с чего бы такой разговор?

— Ты не думай, что я тебя сбиваю с учебы, Сашенька. — Бабушкин голос звучит душевно. — Нет! Да и посоветовать я тебе ничего не могу. Только неладно у вас получается, ты, например, сегодня дома — муж на работе задерживается, муж приехал пораньше — так тебя до позднего вечера нет.

«Ну, как он ее разжалобил,— имея в виду Ивана Степановича, гневно думает Маша, — как настроил!»

— Вот так и разбиваются семьи, — грустно говорит бабушка.

— Не разобьется! — с веселой уверенностью отвечает Александра Петровна. В глазах ее лукавые искорки, словно знает она что-то такое, чего бабушке знать не дано. — Не разобьется! — И добавляет серьезно: — Плохие те семьи, которые от этого разбиваются...

Александра Петровна сдала экзамены и принята в медицинский техникум. По этому поводу в доме гости, стол накрыт на террасе у дачников: на хозяйской тесно. Всем распоряжается бабушка. Она хлебосолка, широкая душа. На столе полным-полно всякой снеди, а бабушка все командует:

— Саша, подрежь-ка еще пирога с капустой! Иван Степанович, хорошо бы из подпола еще малосольных огурчиков достать!..

Саша режет пирог, а Иван Степанович лезет в подпол. Рубашка на нем сиреневая, новая, а галстук под цвет глаз — голубовато-серый.

Иван Степанович весел и как будто очень доволен. Только Маша не верит этому.

Таню отправили спать пораньше, чтобы не мешала. Укладывала спать ее Маша, да так и не пошла на террасу. Что ей там делать, за столом? Она уселась с ногами на подоконник и думает... Если чуть высунуться из окна, виден угол террасы. Сплошь увитая зеленью, она светится, как китайский фонарик в ночи. Оттуда доносятся возбуждающий звон посуды, звук откупориваемых бутылок, смех.

А Маше совсем не весело. Сидит Маша на подоконнике, обхватив руками колени, и думает: «Отчего же в жизни так получается: с виду одно, а когда вглядишься поглубже...»

Александра Петровна прибегает за Машей и почти насильно уводит ее на террасу, усаживает между бабушкой и собой и всем предлагает выпить за Машу...

— Сколько она задач перерешала со мной, сколько правил переучила, сколько Таньку мою отнянчила! Спасибо ей!

Выпили и за Машу. А белобровый хирург, который работает в одной поликлинике с Александрой Петровной, ревниво сказал при этом:

— Что же вы скрытничали? Я бы и сам вам охотно помог!..

После ужина танцевали. Играл на аккордеоне Иван Степанович. Играл с душой. Александра Петровна выпила и разошлась. Плясала, пела. Маша никогда не видала ее такой красивой.

Мужчины заглядывались на нее, а белобровый хирург, стараясь опередить других, все приглашал танцевать.

Иван Степанович хмурился и нарочно играл старинные танцы, которых хирург танцевать не умел: польку-бабочку и краковяк.

А потом сказал, что устал. Отдал аккордеон механику из МТС и вскоре исчез с террасы.

«Ревнует!» — с удовольствием отметила Маша.

Бабушка окликнула Машу и велела ей принести воды. Может, гости чаю еще захотят.

Маша взяла ведро и неохотно побрела к колодцу.

В открытых настежь хозяйских окнах было темно. Потом вдруг чиркнула спичка, озарила на миг мужскую фигуру у окна, и тотчас же в темноте засветился красноватый огонек папиросы.

«Иван Степанович!» — подумала Маша.

...с красотой не справишься,
...ты будешь мой, —

задорно выговаривая слова, притопывая звонкими каблучками, пела на террасе Александра Петровна.

Маша представила себе, как Иван Степанович стоит в темноте у окна и, упрямо сжав губы, слушает... Сердце ее дрогнуло от внезапной сердитой жалости.

Медленно, чтобы не загремела цепь, она опустила ведро в колодец.

КРУПНЕЙШИЙ РАДИОТЕЛЕСКОП

На Пулковских высотах вступил в действие новый, крупнейший радиотелескоп. Он построен по принципу, разработанному доктором физико-математических наук профессором С. Э. Хайкиным и старшим научным сотрудником Н. Л. Кайдановским.

Профессор С. Э. Хайкин рассказал нам:

— Радиоастрономия — молодая, быстро развивающаяся наука. Она дает возможность изучать небесные тела, расположенные за пределами достигаемости оптических телескопов, а также дополняет полученные с их помощью наблюдения.

Радиоастрономические исследования предоставляют новые возможности и для решения важных практических задач. К ним относятся усовершенствование методов прогнозов солнечной активности и возмущений в атмосфере Земли, вызываемых процессами на Солнце, детальное выяснение условий распространения радиоволн сквозь земную атмосферу, создание радиоастрономических навигационных приборов, которые могут работать при любых условиях погоды, в облаках и тумане. Площадь нашего телескопа сейчас составляет около 350 квадратных метров и в будущем будет увеличена еще примерно вдвое.

Телескоп позволит нам проводить исследования, которые ранее были неосуществимы. В первую очередь это касается систематических наблюдений радиоизлучения Солнца, что входит в программу Международного геофизического года. Скоро мы начнем наблюдения некоторых туманностей, а также Луны и планет. Последнее особенно актуально в связи с проблемой межпланетных сообщений.

Радиосигналы доходят до нас постоянно. Их посылают небесные тела, например, Солнце или Луна, а также космические туманности. На Главной астрономической Пулковской обсерватории Академии наук СССР ведутся исследования с помощью радиотелескопов. Их собирательные зеркала направлены в небо и улавливают поступающие радиосигналы, отражают и фокусируют эти сигналы, воспринимаемые специальной антенной, установленной в центре зеркала. Затем они поступают к приемнику, усиливаются и автоматически регистрируются на ленте самопишущего прибора.

Б. ТОЛЧИНСКИЙ

Фото В. Самойлова.

Гулкая тишина стоит в колодце. Тянет холодом. Лунные блики лежат на тяжелой, темной воде. «Вытащить бы один из них», — мечтая о все разрешающем чуде, думает Маша и представляет, как пойманный блик звенит и бьется в ведре, все вокруг озаряя голубоватым фантастическим светом. «Вытащить бы, как золотую рыбку старик, и приказать...» Только, что приказать, она не знает.

Слышатся быстрые шаги. Вот заскрипели ступени. Щелкнул выключатель. На хозяйской террасе зажегся свет и, проникнув через открытую дверь, неясно озарил комнату.

Маша увидела, что Иван Степанович действительно стоит у окна и, не обернувшись на звук шагов, настороженно смотрит в темноту.

Потом рядом с ним появилась Александра Петровна. Ни о чем не спрашивая, легким движением положила ему на плечи руки, заглянула в глаза.

По-прежнему молча, отчужденно глядя куда-то в темноту, Иван Степанович отстранился и снял ее руки с плеч. Но Александра Петровна, задержав его ладони в своих, прижалась к ним горячим лицом.

— Ванюша, дорогуша ты мой! — Голос у нее был теплый, слегка задыхающийся от быстрой ходьбы.— Разве ж я тебя на кого променяю когда?!

И такое прорывается вдруг в ее голосе, что Маше сразу становится зябко, хоть вечер теплый. К горлу подступает комок...

Стоит она и не может оторвать взгляда от тех двоих в неярком квадрате окна.

Лицо Александры Петровны доверчиво поднято к мужу. Губы тронуты нежной, чуть лукавой улыбкой, словно знает она про него, про себя такое, чего никому другому знать не дано. А Иван Степанович все еще глядит в темноту поверх ее головы, но лицо у него при этом доброе и немного растерянное, совсем как на той фотографии из Германии, когда жизнь их только начиналась.

Маша стоит у колодца и никак не может разобраться ни в себе, ни в происходящем. Все, что мучило ее, отступает теперь, тускнеет в этом льющемся из окна голубоватом свете. Что-то иное, главное приоткрывается Маше в семейной жизни соседей: в лукавой мудрости Александры Петровны, которая, ни о чем не споря, ведет свою линию; в ершистой обидчивости Ивана Степановича, которому «отдых не в отдых, если Саши нет дома»... В чем-то еще таком, чего и не выразить...

— Маша, воду-у! — сердито кричит из темноты бабушка. — Где ты пропала, Маша-а? — Голос ее приближается.

Маша молча срывается с места и, словно боясь, что бабушка может спугнуть эту добрую тишину вокруг, быстро, почти бегом несет ей навстречу полное лунных бликов ведро.

Колхозница Валя Кокорина наклеивает белые этикетки.

Н. ЧУРАКОВ

Фото А. Скурихина.

В Барнауле домашние хозяйки охотно покупают банки с огурцами и яблочными маринадами. На белых этикетках значится «Колхоз имени Молотова».

Мы побывали там, где производятся эти необычные колхозные консервы. Владения артели имени Молотова, Шипуновского района, Алтайского края, весьма обширны. Густые и высокие лесные полосы обрамляют земельные участки. Березы и тополя круглый год служат колхозу: зимой они задерживают снег, а жарким летом, когда в степи суховей выжигает посевы, под надежной защитой лесных полос здесь вызревает богатый урожай.

В поселке светлые украинские мазанки сменяются деревянными домами с низко подшитыми, по сибирскому обычаю, карнизами. Дома под черепицей, железом, тесом. При колхозе три завода: колбасно-консервный, маслобойный, кирпично-черепичный. Своя крупная электростанция, ремонтные мастерские, больше двух десятков автомашин.

Рождение завода по переработке сельскохозяйственных продуктов связано с именем Федора Митрофановича Гринько, бессменного председателя колхоза, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда.

Для экономного хозяина тяжелым ударом был каждый случай, когда выращенные в колхозе фрукты, ягоды, овощи из-за медлительности и беспомощности заготовителей портились. Привезут урожай в районный центр, а там не знают, что с ним делать: то нет тары, то нет нарядов, то железнодорожная станция не принимает. Оправданий много, а продукцию девать некуда.

— А что, если построить свой завод? — после длительных раздумий предложил председатель правлению.

...Предприятие действует уже несколько лет. Начали с небольшого — консервирования плодов и фруктов, а потом освоили и колбасное производство.

Когда переступаешь порог завода, кажется, что находишься на государственном пищевом предприятии. Электромоторы приводят в действие компрессоры, терки, прессы, автоматы. Женщины в белых халатах и косынках четко отработанными движениями моют яблоки, устанавливают посуду в ящики, проворно упаковывают банки с маринадами, солениями, соками. В лаборатории, оснащенной необходимой аппаратурой, проводят анализы.

Комбинат приготовляет варенья из душистой земляники, прозрачного крыжовника, ароматной малины, черной смородины. Здесь вырабатывают джем, повидло, фруктовые соки. Отсюда поступают в магазины пастеризованные огурцы, овощные консервы, яблочный маринад, компот, крахмал, патока. Комбинат выпускает и колбасные изделия и копчености.

Из урожая минувшего года изготовлено сто тысяч банок консервов. Пищевые предприятия иногда непосредственно обращаются в колхоз со своими заказами. Бийский ликеро-водочный завод, например, заключил договор на изготовление большого количества фруктовых соков.

Екатерина Голотько закупоривает банки.

Колхозный урожай отправляется на консервный завод для переработки..

Памятник героям гражданской войны на Дальнем Востоке.

Фото Г. Хренова.

ПАМЯТНИК ПАРТИЗАНАМ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАМ

Январь 1920 года. По особому заданию партийной организации на остров Русский, занятый белогвардейцами, едет из Владивостока коммунист-агитатор. Поездка держится в строжайшей тайне. Вот коммунист на острове, вот он вошел в здание инструкторской школы, где в большом зале собрались офицеры и юнкера.

— Я послан к вам большевиками,— неожиданно обращается агитатор к белогвардейцам, никак не предполагавшим, что среди них находится коммунист.— Я к вам пришел один, безоружный. Вы можете взять меня заложником, убить можете. Но этот чудесный русский город — последний на вашей дороге. Вам некуда отступать. Дальше — чужая страна, чужая земля и солнце чужое. За эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!

Агитатором этим был Сергей Лазо.

Своим выступлением он убедил колеблющиеся войска белогвардейцев не поднимать оружие против Советов.

Сергей Лазо и Федор Мухин, Константин Суханов и Виталий Бонивур, тысячи и тысячи других дальневосточных партизан и партизанок вписали славные страницы в историю борьбы против иностранных интервентов и белогвардейцев. Высоко чтит подвиги партизан Родина.

В Хабаровске состоялось открытие нового памятника героям гражданской войны на Дальнем Востоке.

На мраморном пьедестале — бронзовая группа: под развернутым знаменем рабочий-комиссар, сибирский крестьянин и молодой красногвардеец. За ними — обелиск, увенчанный лавровым венком и пятиконечной звездой. Авторы памятника — молодой скульптор А. Файдыш-Крандиевский и архитектор М. Барщ.

На митинге присутствовало более трехсот партизан-дальневосточников, съехавшихся из разных уголков страны. Среди них — бывший командующий партизанскими отрядами Приамурья Демьян Иванович Бойко-Павлов, старый большевик, член КПСС с 1903 года Илья Иванович Александрович, бывшая подпольщица Екатерина Яковлевна Реутова, командир особого отряда по борьбе с контрреволюцией Иван Николаевич Семикоровкин.

...И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Эти строки высечены на граните постамента, к подножию которого партизаны и трудящиеся положили живые цветы.

В. СТЕПАНОВ,
С. АЛЕКСЕЕВ

А. ДОРОХОВ

РЕДКИЕ И ЧИСТЫЕ

В пробирке минерал, из которого добывается цирконий, стержень из циркония и радиолампа, в состав деталей которой он входит.

↓ Печь для «зонной плавки» германия.

Бочка в море

Представьте себе такой совершенно фантастический случай.

К берегу Каспийского моря, где-нибудь возле Красноводска, подъезжает водовоз с большой бочкой пресной воды. Выдернув пробку, он выпускает содержимое бочки в море. А на следующий день отправляется на междугородную телефонную станцию и звонит в Баку:

— Ну, как море-то? Заметили, стало преснее?..

Над чудаком только бы посмеялись.

А что вы скажете о приемщике, бракующем слиток металла только потому, что на двести миллионов частиц чистого вещества в слитке обнаружены... три частицы примеси?

Три жалкие частицы на двести миллионов! Соотношение примерно такое же, как бочка и море, капля и озеро. А металл уже не тот!

И это не фантастика, а самая подлинная действительность Именно такой, почти невообразимой, немыслимой чистоты требует порой сегодняшняя техника от применяемых в ней материалов.

Возьмем хотя бы использование атомной энергии. Достаточно оказаться в расщепляющемся веществе одной миллионной доле процента одного из наиболее опасных элементов (бора, кадмия, гадолиния), как цепная реакция остановится. Присутствие такой же ничтожной примеси в материале, идущем на изготовление некоторых деталей атомного реактора, также делает материал негодным.

Или полупроводники... Здесь тоже нужны абсолютно чистые, «сверхстерильные» металлы. Стоит двум атомам фосфора, мышьяка или сурьмы заблудиться в десяти миллионах атомов германия, как нужные свойства этого полупроводника исчезнут.

Один атом примеси на десять миллионов атомов германия — можно. Два — нельзя!

Сверхпрочность и сверхчувствительность

Минувшим летом москвичей заставляли вздрагивать гулкие взрывы, от которых дребезжали стекла в окнах. «От газа взлетел на воздух высотный дом!..», «Подрывают Поклонную гору!..» — перешептывались любители сенсаций.

Оказалось, ни то, ни другое. Это, готовясь к параду, прорывали звуковой барьер новые реактивные самолеты, мчащиеся со скоростью, почти вдвое опережающей звук.

В соплах реактивных самолетов, между лопатками мощных газовых турбин, бушуют раскаленные газы. Их высокая температура — полторы тысячи градусов — мгновенно расплавила бы обычную сталь.

Для создания механизмов высокой жаропрочности необходим тантал. Он плавится лишь при трех тысячах градусов.

Нити искусственного шелка намного тоньше паутины. Чтобы их получить, нужны особые сетки — фильеры. На каждом квадратном дюйме фильеры умещается четыре тысячи восемьсот почти невидимых глазу каналов. Какой металл не рассыплется в пыль, пронизанный таким количеством мельчайших отверстий?

Фильеры делают из чистого тантала или ниобия.

На заводах, выпускающих серную кислоту, по трубам теплообменников дни и ночи циркулируют едкие вещества. Самые прочные трубы, диаметром в полтора метра, отлитые из нержавеющей стали, выходят из строя через три — четыре месяца.

Восемьдесят процентов таких труб на химических заводах США сделаны из тантала. Он не боится любых кислот.

Темной, безлунной ночью человек всматривается в мерцающий экран прибора. Он видит на нем то, что скрыто от глаз далью и темнотой. Фотоэлементы реагируют не только на видимые, но и невидимые — инфракрасные и ультрафиолетовые — лучи. В состав фотоэлементов входит цезий. Тот цезий, без которого мы не имели бы ни звукового кино, ни телевизоров.

Крохотный блок, размером не больше спичечной коробки, заменяет три десятка сложных радиоламп... Нагретое обычной керосиновой лампой ребристое кольцо дает электрическую энергию, достаточную для питания радиоприемника... Небольшой прибор, вполне умещающийся на столе, выполняет работу мощного выпрямителя электрического тока, занимавшего доселе целое здание...

И крохотный блок, и миниатюрный генератор, и портативный выпрямитель смонтированы из элементов, в состав которых входит германий.

Судно, днище которого сварено из листов титана, можно не красить. Титан не только вдвое прочней, но и вдвое легче железа. При обычной температуре этот металл совсем не боится коррозии. Он не ржавеет даже в морской воде.

Восстановительная хирургия нуждается в пластинках из тантала, способных заменить даже поврежденные кости черепа... Для выпуска холодоустойчивого каучука, выдерживающего шестидесятиградусные морозы, необходим литий... Для варки прозрачнейших оптических стекол широко применяются цезий, стронций, рубидий... Перья для авторучек становятся «вечными» благодаря наплавкам из рения... Для изготовления зеркал мощных прожекторов используется индий...

Тантал, ниобий, цезий, германий, цирконий, литий, стронций, рубидий, рений, индий — редкие металлы. К значительному расширению их производства призвал XX съезд КПСС в своих Директивах по шестому пятилетнему плану.

Подарок английских химиков

Впрочем, так ли уж они редки на самом деле, эти металлы?

В 1889 году Лондонское химическое общество торжественно отмечало двадцатилетие со дня опубликования Д. И. Менделеевым «Периодической системы химических элементов». Газеты сообщали, что вместе с приветственным посланием великому химику были поднесены «драгоценная ваза и кубок из алюминия и золота».

Кто проходит сейчас мимо витрин хозяйственных магазинов, заваленных алюминиевой посудой, наверно, и не подозревает, что всего полвека назад алюминий считался драгоценным металлом.

Что же, действительно так трудно найти этот металл? Конечно, нет! В земной коре алюминия больше, чем железа. Но в конце прошлого века, при тогдашнем уровне техники, его еще не умели, да и не могли добывать в значительных количествах.

По той же причине в средние века считались предметом роскоши... оловянные тарелки. А еще раньше, у древних египтян, олово ценилось так высоко, что из него делали ювелирные украшения.

Условна «редкость» и редких металлов. Многих из них в природе вполне достаточно. По содержанию в земной коре титан, например, стоит на шестом месте, а цезий — на седьмом.

Но беда заключается в том, что все эти металлы необычайно крепко связаны с сопутствующими им элементами. Отделить их от спутников, добыть в чистом виде — задача очень трудная.

Вот и выходит, что, скажем, празеодима на земле в двадцать раз больше, чем золота. Но ни один человек в мире, наверно, не держал еще в руках даже крупицы этого металла-невидимки.

Индий, которого в земной коре столько же, сколько и празеодима, германий, которого в пять раз больше празеодима, добываются уже десятками тонн в год. Налажена промышленная добыча и теллура, хотя его в земле лишь в два раза больше, чем золота.

Но какого труда стоит эта охота!

Когда-то Маяковский сравнивал писание стихов с добычей радия:

Поэзия
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь,
единого слова ради,
тысячи тонн
словесной руды.

Поэт еще не знал, что для того, чтобы добыть тонну индия или германия, надо переработать не тысячу и не десять тысяч, а добрую сотню тысяч тонн руды!

На наших глазах за несколько лет произошло удивительное перемещение. Отходы сделались драгоценностью.

Шлак, покрывавший бурой пеной кипящий металл, мельчайшая пыль, уходившая с обогатительных фабрик вместе с пустой породой в отвал, стали сырьем для производства продукции, неизмеримо более ценной, чем та, которую выдавал рудник до самых последних лет. Вчерашние отходы — сегодня источник добычи редких металлов.

Из ста одного элемента периодической таблицы Менделеева дореволюционная русская цветная металлургия умела добывать только... шестнадцать.

Сейчас предприятия цветной металлургии СССР добывают в промышленном масштабе шестьдесят три элемента!

Молекула под контролем

В последние годы в промышленных стандартах начали появляться небывалые доселе обозначения:

«Чистота — 99,9999999».

Это значит, что требуемое вещество должно быть доведено до такой степени чистоты, когда на сто миллионов его частиц допустима лишь одна-единственная частица примеси.

Такая почти абсолютная очистка редкого металла, с бешеной интенсивностью стремящегося тотчас соединиться с окружающими элементами, — задача неизмеримо более трудная, нежели даже его добыча.

В любопытной книжке американского ученого Ральфа Лэпп «Новая сила» вскользь упоминается об организации атомной промышленности США.

При сооружении первых атомных бомб американцы построили для добычи чистого плутония огромные заводы, истратили около двух миллиардов долларов и через несколько лет получили продукцию, которая вся легко умещалась в... небольшом ведре.

Оборудование в США нового завода для промышленной добычи трития, идущего на изготовление водородных бомб, стоит дороже, чем все гигантские предприятия третьей в стране по мощности промышленной корпорации «Бэтлехем стил корпорейшн» со всеми ее земельными участками, заводами, рудниками, машинами и другим оборудованием. Новый завод потребляет около миллиона киловатт электрической энергии и почти столько же воды, сколько ее нужно всему Нью-Йорку. Очищаемые материалы проходят через тысячи километров различных труб и через фильтры с отверстиями в одну десятимиллионную дюйма. Эти отверстия невидимы даже в микроскоп. Но только такие фильтры способны пропускать молекулы одного строения и задерживать молекулы с другим расположением и числом атомов.

Создание промышленности «сверхчистых» металлов возможно лишь при чрезвычайно высоком уровне техники. Многие из редких металлов (цирконий и гафний, галлий, ниобий и тантал) по своим физическим свойствам чрезвычайно близки друг к другу. Поэтому, не говоря уже о механических, обычные металлургические и химические методы обогащения здесь неприменимы.

Основные операции очистки производятся при очень высокой температуре, порядка трех — трех с половиной тысяч градусов. Только при такой температуре переходят некоторые редкие металлы в жидкое или газообразное состояние.

Одновременно нужен и глубокий вакуум — до 10^{-5} миллиметров ртутного столба. Это значит, что если обычное атмосферное давление поднимает столбик ртути на семьсот шестьдесят миллиметров, то в иных аппаратах для последней очистки редких металлов ртуть имеет право подыматься не выше, чем на одну десятитысячную долю миллиметра! Только такой глубокий вакуум создает среду, где нет опасности, что к металлу привяжется появившаяся со стороны зловредная молекула «опасного» элемента.

Работа при сверхвысокой температуре и сверхнизком давлении требует и особо прочной аппаратуры и огромного количества электрической энергии.

Нуждается добыча чистых металлов и в очень высокой культуре производства. Ведь даже легкое прикосновение многократно вымытых, протертых спиртом и осушенных пальцев к сосуду, где помещается материал, способно все испортить.

И, наконец, нужны совершенно новые методы анализа. На тех степенях однородности, с которыми имеет дело добыча сверхчистых металлов, ни химический, ни даже более чуткий спектральный анализ неприменимы. Им не под силу обнаружить стомиллионную частицу примеси. Порой ответ может дать лишь изменение электропроводимости либо физический анализ с помощью радиоактивных изотопов.

Лиса и блохи

Каковы же методы промышленной добычи сверхчистых металлов? С некоторыми из них можно познакомиться в Москве, на Всесоюзной промышленной выставке, где показана и аппаратура, применяемая в нашей промышленности.

Охотники знают, как ведет себя лиса, когда ей слишком докучают блохи. Хитрое животное медленно входит в воду. Спасаясь, блохи начинают перебираться повыше, на спину. Лиса заходит глубже. Блохи перекочевывают на голову. Постепенно все блошиное население оказывается на скользком кончике лисьего носа. И тогда лукавица ныряет... Блохи остаются в воде.

Может быть, ассоциация и далековата, но именно она настойчиво вспоминается при наблюдении за методом «зонной плавки».

Этот метод основан на особом свойстве примесей: при остывании расплавленного металла они сосредоточиваются в его жидкой части.

Слиток металла кладут в графитовую лодочку и помещают в цилиндрическую электропечь с индукционным нагревом. Воздух из печи выкачан или заменен инертным газом (например, аргоном), не соединяющимся с данным металлом.

Печь устроена таким образом, что в ней нагревается и плавится лишь небольшой участок слитка, а соседний охлаждается. Лодочка медленно передвигается вдоль печи со скоростью несколько миллиметров в час. Один участок слитка расплавляется, а соседний остывает. Примеси из затвердевающей части слитка переходят в жидкую. Остывает этот участок — примеси переходят дальше.

Так, постепенно все примеси отгоняются к одному концу слитка, а другой приобретает полную однородность. Этим методом получают ультрачистый германий, висмут, ванадий, галлий.

Другой метод очистки — «иодидный».

В кварцевую трубку закладывают очищаемый металл и стеклянную ампулу с жидким иодом. Воздух из трубки выкачивается. Затем трубку нагревают до сравнительно невысокой температуры, в 200—300 градусов. Ампула с иодом автоматически разбивается, газы металла соединяются с газами иода и поднимаются кверху.

Но на пути они встречают нить из чистого металла, раскаленную до 1 200—1 400 градусов. И тут происходит обратное явление: иод со всеми примесями обращается в бегство из этого пекла, а молекулы чистого металла одна за другой, как куры на насест, усаживаются на раскаленную проволоку. Постепенно тончайшая нить превращается в пруток сверхчистого металла. Таким образом добывают цирконий, ниобий, тантал.

Есть еще один метод — «вытягивание монокристалла». Внешне он напоминает образование ледяных сосулек по краям крыш при весенней капели. При этом способе очищаемый металл расплавляют в графитном тигле в глубоком вакууме. К поверхности кипящего металла подводят так называемую затравку — частицу того же металла, вырезанную в определенном кристаллографическом направлении. На конце кристалла начинают собираться и группироваться молекулы, вырывающиеся из расплавленной массы. Затравку все время медленно поднимают. И постепенно на ней нарастает большой монокристалл чистого металла.

Особенно много хлопот и волнений доставила химикам и технологам группа «редких земель» — лантанидов. Все тринадцать элементов этой группы встречаются в природе обычно вместе. Разбить их тесную компанию настолько трудно, что до самого последнего времени их так и употребляли вместе, скажем, для полировки оптических зеркал.

Но сейчас рентгенографии, например, до зарезу нужны именно одни определенные лантаниды, а не другие, и без всяких спутников. И наша химическая промышленность уже овладевает способами добывать каждую «редкую землю» в отдельности. Для этой цели используются «ионообменные колонки». Через такую колонку, заполненную слоем особого вещества — «ионита», пропускают растворенный в соляной кислоте концентрат «редких земель». Ионы различных земель осаждаются на ионите. А затем ионит промывают раствором того реактива, с которым любит соединяться нужный лантанид. Так беднягу сперва отделяют от общей компании, а затем разделяют и с реактивом, который его увлек.

Большие трудности приходится преодолевать промышленности на путях к новой технике — технике сверхвысоких скоростей и мощностей и сверхнизких давлений, сверхчутких и сверхсложных механизмов и приборов. Достижения советских ученых и инженеров свидетельствуют, что в нашей стране эта техника строится на надежном основании.

На наших вкладках

На наших вкладках воспроизводится несколько картин из собрания Севастопольской картинной галереи. Картины малоизвестные. Но, может быть, именно поэтому с особенной остротой видишь, какие богатства хранят наши галереи, чувствуешь величие, ценность огромного вклада, внесенного русскими художниками в нашу культуру. Чувствуешь, с какой любовью, с каким вниманием они, эти неутомимые «экскурсоводы» по родной стране, помогают нам понять, запомнить и оценить многообразнейшие красоты русского ландшафта.

Чудесный пейзаж «У пруда» передвижника Ивана Ивановича Ендогурова, бесспорно, выдерживает сравнение с лучшими произведениями русской пейзажной школы. Спокойное, устоявшееся лето среднерусской полосы. Берег маленького пруда, заросший пахучими лесными травами. Две маленькие фигурки в розовом и белом словно утонули в этой влажной утренней зелени и синеве. Покой почти сказочный и в то же время необыкновенно реальный.

Лев Львович Каменев — художник другого, старшего поколения, ученик и товарищ Саврасова, один из создателей русского национального пейзажа. Картина «Вечереет» отличается законченным композиционным единством. Художник увлечен контрастом между темным силуэтом купы деревьев и сияющим вечерним небом.

А вот другой «Вечер», на берегу моря — картина кисти Владимира Донатовича Орловского. Пейзажист много путешествовал, жил в качестве пенсионера Академии художеств во Франции, Швейцарии, Италии. Полотна Орловского всегда написаны уверенно и умело, эффектны по освещению, хотя иной раз и несколько традиционно скомпонованы.

Франц Алексеевич Рубо широко известен как автор панорамы «Оборона Севастополя». Крупнейший русский баталист, Рубо в свое время руководил батальной мастерской в Петербургской академии художеств. Среди его учеников были такие советские мастера, как М. Б. Греков, М. И. Авилов, Н. Г. Котов. Рубо тщательно изучал воинский быт, обстановку и характер военных действий русской армии. «Кубанский казак», — видимо, один из многочисленных подготовительных этюдов, фрагмент будущей большой картины.

«На даче» Василия Никитича Мешкова — работа очень своеобразная. Заслуживает восхищения смелость, с которой художник пользуется цветом, не ограничивая себя никакой заранее составленной схемой. Красные, синие, желтые, зеленые пятна располагаются по поверхности холста непринужденно, в неожиданных и в то же время очень гармоничных сочетаниях. И самое главное, в небольшой картине, почти в этюде, дан очень тонко почувствованный кусочек жизни.

Пять художников — пять разных дарований. Каждый видит и изображает природу по-своему, и каждый по-своему прав. И мы благодарны художникам за то, что они рассказывают о привычных, знакомых вещах и событиях так, что кажется, будто узнаешь их впервые.

А. ГАСТЕВ

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

Евгений **ПОПОВКИН** Фото **А. НОВИКОВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Там, где изготовляют сигареты

В далеком детстве я и мои сверстники, жившие в провинциальном южном городке, составили представление о капиталистах, опираясь, так сказать, на ребячьи наблюдения и немноголетний опыт. В этом глухом городке представителями буржуазии были владельцы нескольких небольших магазинов, собственник маслобойки да хозяин кустарного заводика, изготовлявшего почему-то одновременно сельтерскую воду и халву. В те годы я еще не знал о существовании таких российских магнатов, как Путилов, Морозов, Рябушинский, — с ними наше поколение могло знакомиться только по литературе. И вот спустя много лет довелось увидеть капитализм собственными глазами.

По официальным источникам, трудящиеся Греции получают двадцать пять процентов дохода, работодатели — семьдесят пять.

На каждом шагу в Афинах и в других городах и селениях мы слышали фамилии крупнейших греческих промышленников: Бодосакиса, Папастратоса, Илиопулоса.

Чаще всего, пожалуй, встречалась фамилия Папастратоса. Ее можно было увидеть на внушительных, во всю ширину многоэтажных зданий, вывесках, на киосках, грузовых автомобилях, коробочках сигарет, обтянутых целлофаном.

Еще до того, как представилась возможность побывать на сигаретной фабрике Папастратоса в Пирее, мы уже имели некоторое представление о том, как живут пирейские табачники. В мае здесь вспыхнули забастовки. Рабочие добивались субсидий для своих страхкасс и увеличения зарплаты. Забастовки продолжались в июне, июле, августе. Газеты «Эстия», «Элефтерия», «Авги» ежедневно сообщали о положении бастующих.

Перелистываем страницы этих газет:

«...Бастующие табачники Пирея с 1 августа объявили голодовку. Около 400 табачников заперлись вчера около полудня в здании Рабочего Центра в Пирее и отказались даже пить воду...

Вечером были обмороки. Две работницы по указанию врача были отправлены в больницу...»

«3 августа. Голодная забастовка табачников Пирея продолжается. Было 20 обмороков...»

«4 августа... Сорок табачников Пирея доставлены в больницу. Голодная забастовка продолжается четвертый день...»

Фабрика Папастратоса — одна из крупнейших, если не самая крупная сигаретная фабрика в Греции. Здесь постоянно работают три тысячи человек, преимущественно женщины.

Мы прибыли на эту фабрику вместе с сотрудниками торгпредства и советскими экспертами по табаку.

Директор фабрики, высокий мужчина с властным голосом и холодноватыми глазами, учтиво осведомляется, какие у гостей есть вопросы.

— Сколько лет существует фабрика?

— Двадцать шестой год... Основана в 1930 году.

Директор добавляет, что фирма Папастратоса выпускает пять сортов сигарет — от высшего, «Люкс», стоимостью семь драхм, до так называемых «Народных», по три с половиной драхмы за пачку.

— Дороговато? Возможно. Если удастся поднять урожай в стране до ста тысяч тонн, станет легче. Сейчас по всем районам собирают девяносто тысяч тонн...

Цехи размещены на трех этажах огромного корпуса. Размеренный гул станков, сосредоточенные лица работниц... Ни на мгновение не прерывая работы, они с любопытством, исподтишка поглядывают на нас.

Очень хочется поговорить, но заведующий цехом, следующий все время за нами, корректно напоминает: «Ваши товарищи ушли вперед».

Все же, пока наши специалисты обстоятельно знакомятся с технологическим процессом, я, испросив разрешения, подхожу к пожилой работнице. Она не так занята, как другие, и, к счастью, знает немного русский язык.

Ох, как сложно завязывать разговор, когда десятки пытливых глаз устремлены и на тебя и на твою собеседницу, а представитель администрации, вежливо улыбаясь, поминутно поглядывает на ручные часы!

Но женщина бойка и словоохотлива и сама выводит из затруднения.

— Варвара Энфедиян... Нет, не гречанка, а армянка, — скороговоркой и весело сообщает она и переходит в атаку: — Вы из России?.. Очень приятно!.. Мои родственники оттуда...

— Как заработки?

— Неплохо! — Варвара Энфедиян даже встряхнула головой. — Совсем неплохо!.. Тридцать девять — сорок драхм в день... Хватает! Новички получают меньше. Но я не новичок — тридцать четыре года работаю здесь! — добавляет она так, словно сейчас только высчитала и неожиданная цифра удивила ее.

Новичком в этом же цехе оказалась Ирини Тахтиаки, миловидная полная женщина лет тридцати. Она изготовляет картонные коробки для сигарет. Мать ее тоже табачница, получает столько же, сколько и дочь: тридцать две драхмы и пятьдесят лепта...

— Семья большая?

— Нет, я не замужем... Это так трудно — найти мужа, — доверчиво говорит женщина и машинально вертит меж пальцами крестик на позолоченной цепочке.

— В общем, на жизнь хватает? — подсказываю я.

На сигаретной фабрике Папастратоса.

Ирини горько усмехается и выразительно покачивает головой. Но тотчас же задорно восклицает:

— Эндáкси! Все в порядке! — Оглядывается на мужчину, молчаливо стоящего рядом, и шепотом спрашивает: — Неприятностей мне не будет?..

Мы беседуем еще с некоторыми рабочими. «Эндáкси!» — «Все в порядке!»... Ни слова о недавних голодных забастовках, о том, что цены на хлеб, оливковое масло, мясо, фасоль, мыло каждый год стремительно поднимаются.

Надо отдать должное скромности, свойственной простому греческому труженику. Он не привык жаловаться на житейские трудности и неурядицы. Чувство достоинства, умение сохранять бодрость и независимый вид при всех превратностях судьбы показались мне примечательной чертой характера грека-труженика.

...Во время обеденного перерыва мы зашли в рабочую столовую. Одна смена только что кончила свой обед, а в обширный зал, прямо из душевой, отирая на ходу влажные разрумянившиеся лица и кое-как причесавшись, с неимоверным гамом торопились работницы следующей смены.

Если бы Проспер Мериме не создал свою Кармен раньше, он, думается, непременно написал бы ее, побывав в столовой пирейской табачной фабрики!

Спустя сорок пять минут в цехах вновь установится строгая тишина, задорные табачницы смиренно и прилежно будут сортировать и крошить табак, молча перетаскивать ящики, клеить коробочки... А пока звонка еще нет, женщины, перекликаясь, стуча тарелками и кружками, проказничая, подшучивая друг над другом, заполняют до отказа все места за столами.

Обед стóит сравнительно недорого, но многие приносят еду из дому: горстка маринованных оливков, салат из помидоров или две — три рыбешки обходятся все же дешевле.

В конце длинного стола становится вдруг особенно шумно и оживленно... Что такое?.. Оказывается, советский эксперт, главный инженер ростовской табачной фабрики Болдырев, заинтересовался меню столовой. В ту же минуту десятки рук протягивают ему на тарелочках снедь, упрашивая настойчиво и гостеприимно отведать хоть чего-нибудь...

Несколькими днями позже мы побывали в Драпецоне, рабочем районе Пирея.

Часы показывали полдень, и вначале нас удивило многолюдье тесных и пыльных улочек. На ступеньках у входа в свои дома сидели мужчины; балагурили возле водопроводных колонок, у овощных и мясных лавчонок женщины. Праздника в этот день по календарю не значилось, и нетрудно было догадаться, что многие сидят дома вовсе не по своему желанию. Просто не улыбнулось коварное счастье, не удалось получить работу на разгрузке парохода, на фабрике, на вокзале или в одном из американских магазинов, занявших целые кварталы.

Вспомнились потрясающие цифры, приведенные недавно газетой «Элефтерия», о количестве безработных в стране.

В рабочей столовой.

...Не успели мы поставить «Победу» куда-нибудь в тень, как нас окружают вездесущие мальчишки, чумазые и босоногие.

— Как тебя зовут? — спрашивает одного из них переводчица. На его желтой майке изображены казненные весной молодые кипрские патриоты Караолис и Деметриу.

— Евангелос.

— Учишься?

— Немножко,— смущенно отвечает паренек. — Когда у матери есть деньги.

Я прошу его показать, где можно напиться воды, и Евангелос торопливо ведет нас к низенькому домику.

С порога поднимается коренастый немолодой мужчина с глубоким шрамом на щеке, над черными усами, в которые густо вплелась седина. Такая же седина на висках.

— Очень рад русскому гостю и приглашает зайти в дом, — переводят мне его первые слова.

— Американцы — воевать, русские — торговать, работать, дружить, — говорит хозяин, когда мы садимся у стола, на котором появился графин с холодной водой.

Да, он воевал... И с гитлеровцами и с английскими интервентами... Потерял семью... С него хватит!.. Здесь не слишком заботятся о таких, как он...

— Для Англии и США мы военная база,— резко продолжает наш собеседник, и густые брови его сдвигаются.— Чуть ли не половина бюджета Греции идет на военные расходы. Об этом вслух говорят в парламенте. Вы видели, сколько военных кораблей пригнали в Пирейский порт?.. Весь шестой американский флот... Сколько самолетов летает над нами! Это для чего?..

Хозяин дома потягивает воду из стакана и хмуро разглядывает свои огромные, испещренные жилами кисти рук.

— Парфенон, Акрополь — все это хорошо,— роняет он.— Это сделали за тысячи лет до нас... А мы? Я хоть и не полную неделю, но работаю, а сколько здоровых, молодых годами смотрят на ИКА! Есть такая страховая касса... — Он вдруг спохватился: — Может быть, заглянем в таверну? Здесь мне нечем вас угостить.

Надо было возвращаться к своим спутникам, и я, поблагодарив, стал прощаться.

— Передайте привет русским,— говорит хозяин, поднимаясь и крепко пожимая руку. — Мы вас любим!.. За мир, за труд... За уважение к простым рабочим...

От суровости, какая лежала на его лице, не осталось и следа. На пороге стоял человек с добродушным лицом и улыбался, как могут улыбаться только очень искренние люди, которые всегда возбуждают к себе и симпатии и доверие...

По дорогам Пелопоннеса

— Дружба между странами начинается с коммерции.

Эта фраза была чуть ли не первой, которую мы услышали от нашего нового знакомого, господина Франгистаса.

Георгий Франгистас — один из греческих деловых людей, раньше других начавший торговать с Советской страной. Он был некоторое время летчиком, а сейчас — владелец и директор фирмы «Средиземноморское табачное общество». Несколько раз бывал в Москве и продает табак в СССР уже пять лет.

Его представили нам в Афинах работники торгпредства, и Франгистас тотчас же осведомился:

— Временем располагаете? Можем повстречаться с крестьянами, которые выращивают для вас лимоны и табак... Они будут очень рады русским...

Мы охотно приняли приглашение.

— Придется сделать не одну сотню километров на автомобиле, — предупредил Франгистас.

И вот машина нашего любезного хозяина уже катит по кривым и тесным улочкам Афин, по шоссе, которое ведет на юг Балканского полуострова.

Франгистас ведет машину искусно, а это здесь очень важно. Трудно представить себе город, в котором может быть больший беспорядок в движении уличного транспорта. Шоферы тут не признают никаких правил, кроме одного — ехать возможно быстрее и сокращать путь где только представится возможность. Слушая, как темпераментные водители, высовываясь из кабин и ожесточенно жестикулируя, сами регулируют движение и награждают друг друга сочными эпитетами, не можешь не вспомнить олимпийски спокойных московских регулировщиков.

— Они здесь в полчаса всех лишили бы прав,— сумрачно замечает мой московский друг...

Выясняем любопытную деталь. В случае аварии неприятности выпадают не столько на долю шофера, сколько на представителя страховой компании, в которой застрахована машина. Этот представитель немедленно выедет на место происшествия, будет вместе с полицией устанавливать виновника, если надо — судиться. Компания берет на себя и расходы по ремонту машины. Она выплачивает пенсию, иногда пожизненную, пострадавшему от ее подопечного водителя и при всем этом не остается в убытке. Страхование машины стоит 300 драхм.

К счастью, с нами ничего трагического не происходит. Наш черный лимузинчик уже мчится вдоль безмятежно-голубого Сароническего залива, ныряет в заросли ядовито-розовых олеандр, тростника, невысоких веерных пальм и больших жестких агав, поднявших к знойному небу высокие стрелы соцветий.

По дороге немного задерживаемся, чтобы осмотреть завод оливкового масла в небольшом городке Элевсине. В том самом Элевсине, где могущественная богиня плодородия Деметра оплакивала свою дочь Персефону, похищенную мрачным Аидом.

Лиричен и грустен этот созданный народом миф: только тогда, когда по воле Зевса юная Персефона возвращалась из подземного царства Аида к матери, возвращалось и плодородие земле. Легенда напомнила и о делах, более близких нашему времени. Год назад страну постигло большое несчастье: из-за какой-то непонятной болезни оливковые деревья совершенно не дали урожая ни в Аттике, ни на Пелопоннесе, ни на Ионических и Кикладских островах, где эта культура наиболее развита. Понять глубину бедствия можно, лишь зная, что значат для гре-

ков оливковые насаждения. Страна занимает второе место в мире по выращиванию маслин и третье (после Италии и Испании) по производству оливкового масла. Кто-то подсчитал, что на каждого жителя Греции приходится в среднем по десять оливковых деревьев. Гибель урожая отразилась прежде всего на основных потребителях оливкового масла — трудящихся. С 13—17 драхм за ока[1] оливкового масла при хороших урожаях в предыдущие три года цены в 1956 году подскочили до 28—35 драхм за ока.

...Мы снова в пути, снова по обочинам замелькали густые заросли ярко-зеленого тростника, серебристые купы маслин, разноцветные бензиновые колонки иностранных компаний.

Вскоре перед нами — Коринфский канал. Он особенно живописен, когда через него проходят суда. Нам хочется сфотографировать его, но рослый полицейский в пробковом шлеме с красно-коричневым лицом показывает ленивым жестом, что делать этого нельзя.

— Вы можете приобрести готовые снимки, — добродушно поясняет страж порядка. — Они есть в любом фотоальбоме... Или взять разрешение, тогда пожалуйста...

Угостив полицейского папиро-ской, которую он сначала долго и озадаченно разглядывает, а затем пытается зажечь со стороны мундштука, мы двигаемся дальше...

У крестьян

Это произошло в небольшой деревушке Ано Валтос в конце августа, когда обычно купцы скупают табак.

Агенты одного из купцов заявили крестьянам, что снизят плату за табак по сравнению с прошлым годом на 15 драхм. Они хотели, запугав табаководов, скупить урожай за бесценок.

Разъяренные крестьяне выгнали их и колокольным звоном собрали на демонстрацию протеста всю деревню. Затем послали петицию парламенту.

Эта история вспомнилась, когда мы подъезжали к селению Ксилокастро, невдалеке от Коринфа. Селение расположено в живописном уголке. Из-за густых деревьев видны были холщовые палатки, кровли пансионатов, ресторанчиков. То и дело попадались навстречу курортники в пестрых платьях, темных очках.

Ксилокастро, как нам пояснили, — курортное местечко, а в окрестных горах расположены лимонные и виноградные плантации.

— Учтите,— предупредил господин Франгистас,— тут живут сравнительно состоятельные земледельцы. Другие деревни намного беднее...

Нам давно хотелось уяснить, что же представляет собой в Греции крестьянский кооператив, и поэтому, прежде чем отправиться в одну из горных деревушек, заходим в правление кооператива.

Его председатель, или президент, как его здесь именуют, Алькивиадис Ботсос — типичный крестьянин-здоровяк, с загоревшим лицом и смуглым румянцем, кряжистый и крепкий. Пожатие его руки дает понять: президент чаще имеет дело с топором и лопатой, чем с пером и бумагой.

— А это директор кооператива, — представляет он мужчину в очках.

Директор, Антониос Сотиропулос, — платный служащий. Президент же — должность общественная, выборная.

Руководители кооператива явно довольны тем, что у них гости из Советской страны. Торговля с СССР поправляет дела; это солидный и надежный покупатель. Кооператив в этом году уже продал в Советский Союз 4 600 тонн лимонов. Западная Германия, Югославия покупают в год обычно по 200 тонн.

— Года через три сможем дать вдвое больше, — говорит Ботсос. — У меня самого сейчас плодоносят двести пятьдесят деревьев, а я посадил еще семьсот пятьдесят.

Нам рассказывают: многие крестьяне после того, как началась торговля с Советским Союзом, сократили площадь под огородами, чтобы посадить апельсины и лимоны.

Спрашиваем: как организован этот кооператив?

Ботсос энергично кивает; он готов подробно объяснить все, что нас интересует.

Сбытовой кооператив объединяет 60 деревень, 5 тысяч хозяйств. Есть свой устав, пайщики платят членские взносы по 12 драхм в год.

— А какая помощь оказывается членам кооператива?

— Даем авансы под урожай. Снабжаем удобрениями, машинами. В кредит, конечно. А главное — отстаиваем интересы пайщиков перед покупателями.

— Был случай,— вступает в разговор директор.— Чтобы поднять цены на лимоны и апельсины, крестьяне оставили их на деревьях... Ну и что ж?.. Сгнили! Пришлось выбросить в море; вся вода у берега стала желтой. Кооператив добивается, чтобы такого не было.

Разговор снова заходит о торговле с Советской страной. Этот вопрос особенно интересует их.

— Осенью и зимой могли бы поставить вам восемь тысяч тонн лимонов,— говорит Ботсос.— В будущем — пятнадцать тысяч. Построили специальную упаковочную фабрику.

Кооператоры настойчиво приглашают осмотреть ее.

— Пусть ваши люди знают, что это благоприятные результаты мирных связей с Россией, — говорит Ботсос по пути.

...Дорога в деревушку Земено, куда мы затем направились, сразу начинает кружить, и шофер местного такси едет по крутому пыльному подъему с необычной для греческих водителей медлительностью.

Навстречу спускается верхом на мулах и куцехвостых лошадках группа туристов. Одежду их составляют лишь трусики и козырьки, зато они густо увешаны фотоаппаратами и биноклями.

— Американ! — не очень дружелюбно роняет шофер.

Воздух становится все чище и свежее, запахло хвоей, и когда мы благополучно миновали головокружительные ущелья и котловины, перебрались через утлый мостик над зияющей пропастью и въезжали в Земено, уже не ощущалось ни зноя, ни одуряющей духоты.

Деревня прилепилась к самому гребню горы, и ее дома из грубого серого камня, узкие и высокие, как крепостные сооружения, казались разбросанными меж каменными уступами и узкими тропками, гигантскими платанами и соснами.

— Первый раз видим у себя русских гостей,— говорит встретивший нас высокий седой мужчина в коричневом пиджаке и расстегнутой рубашке.

Это председатель местного отделения кооператива Димитрос Зарис. Движения его энергичны, глаза необычайно молоды, и переводчица вслух замечает, что есть люди, возраст которых ни за что не определишь.

— Мои годы скрывать не приходится,— с улыбкой отвечает Зарис.— Перевалило за шестьдесят...

Он приглашает зайти в кофейню, отдохнуть, но под сенью дуба так прохладно, воздух, полный смолистого аромата, так легок, что уходить никуда не хочется, и мы рассаживаемся на камнях.

— Чем занимаемся? — переспрашивает председатель, искоса поглядывая на старенький грузовик, возле которого возились два дюжих, загорелых до черноты парня.— Садим виноград, оливки, сушим коринку. Делаем вино. Смолу добываем. Потом пропускаем через нее вино. Пробовали рецину? Можем угостить.

В кооперативе состоят все сто двадцать пять семейств деревни: шестьсот двадцать пять жителей — старых и малых...

— Доходы?.. У каждого разные...

В собственном владении Зариса пятьдесят стрем земли, и он в прошлом году заработал около двадцати тысяч драхм. Стрема — одна десятая гектара, и участок у Зариса немалый.

— А в общем, дела у крестьян неважные,— неожиданно вмешивается в разговор пожилой мужчина с угрюмо-насмешливыми глазами.— Посудите сами. Средний надел восемь — десять стрем. Да и тот все время уменьшается. Население растет. Куда девать его надо.

Димитрос Зарис кивает головой:

— Да, так и есть. Маловато земли.

Невдалеке слышатся голоса сборщиков винограда, и мы идем на виноградник.

Несколько мужчин и две женщины срезали, бережно укладывали в ящики и подносили к тропинке янтарные кисти «султанины» — сладчайшего бескосточкового винограда.

— Наш виноград продается только в лучших афинских магазинах,— с нескрываемой гордостью сказал смуглый, красивый грек, присаживаясь рядом, на пустой ящик.

Его зовут Николай Гинис. Это участок его семьи, и он очень доволен, что может вот так спокойно работать. Гинис недавно вернулся из армии.

Мы беседуем о различных методах посадки и о сортах винограда. Я рассказываю о крымском мастере урожаев Марии Брынцевой. В глазах Гиниса сперва недоверие: возможно ли собрать с гектара 300 центнеров! Его семья с трудом получает по 9 центнеров со стремы...

В свою очередь, мы интересуемся, что удалось кооперативу построить после войны.

— Собрали тридцать тысяч долларов на церковь,— сообщает Димитрос Зарис.— Скоро достроим...

— Электростанцию свою не собираетесь ставить?

— Дорого...

Перед нами далеко внизу в золотистой дымке силуэты гор с предвечерними мягкими тенями во впадинах. Горы тянутся по всему горизонту, и между их отрогами то там, то здесь белеют кубики каких-то селений. Неистово звенят цикады.

И вдруг на ясном и чистом фоне голубого неба возникают черные точки самолетов.

Я вспоминаю, что в Греции начались крупные военные маневры воздушных сил НАТО. «Мощное бичевание» — назвали его рвущиеся к новому кровопролитию генералы. Во всем районе, от Норвегии до Турции, летают в эти дни бомбардировщики, заунывно гудят сирены... Об этом лишь вчера сообщала газета «Акрополис».

Николай Гинис, провожая потемневшими глазами черные точки, говорит:

— Никто ведь не хочет войны...

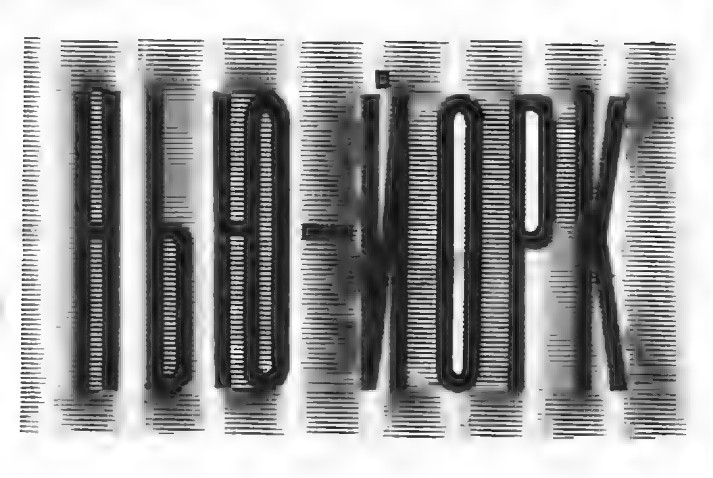

В деревне Земено.

Г-н Франгистас.

[1] Ока = 1,34 литра.

Фотографии, которые вы видите на этих страницах, сняты мною в Нью-Йорке в канун нового, 1957 года. Самый молодой среди больших городов мира и самый большой не только среди молодых, но и среди старых, он не похож на обжитые, уютные города Европы. О нем многое сказано и многое написано, но никому еще не удавалось дать ему более точную и более образную характеристику, нежели та, которая принадлежит перу А. М. Горького:

«Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатиэтажные дома, безмолвные и темные «скребницы неба». Квадратные, лишенные желания быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своею высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей...

Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

ЖУКОВ

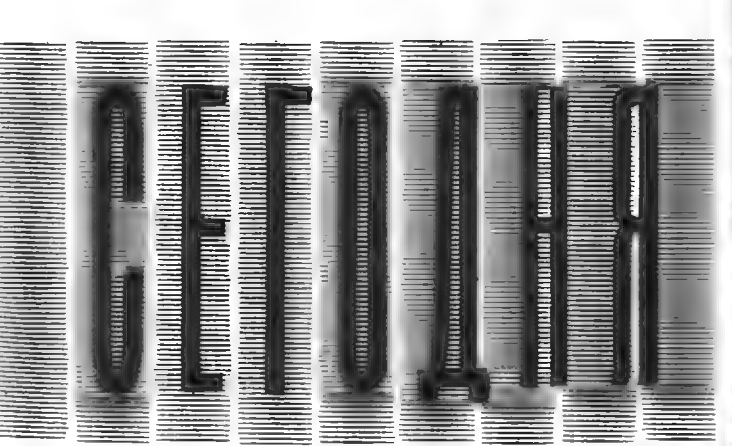
фото автора.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа,—в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица — скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой — живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая звенья своей цепи...»

С тех пор, как были написаны эти сильные, обжигающие строки, прошло пятьдесят лет, но облик Нью-Йорка остался неизменным, разве что «скребницы неба» подросли с тех пор и достигают ныне в иных случаях не двадцати, а ста этажей. Человеку душно в Нью-Йорке. Это город не для людей — для автомобилей. Они переполняют его, кишат в нем, отравляя и без того застоявшийся в каменных щелях улиц воздух своим бензинным и мазутным чадом. Если вы спешите, упаси вас бог брать такси: вы потратите час, чтобы добраться с какой-нибудь 24-й на 125-ю улицу,— они здесь безымянные и носят только номера, словно детали машины, разложенные на стенде. Спуститесь лучше в черную, закопченную дыру метрополитена, и трясучий, грязный, но стремительно быстрый поезд подземной железной дороги мигом промчит вас под скалами Манхаттана через весь город, а там уже добирайтесь до нужной вам улицы пешком, увертываясь от рычащих и рыгающих бензинным чадом автомашин...

Чтобы понять Нью-Йорк, надо его увидеть. Взгляните же на эти фотографии. Они, правда, сделаны не профессионалом, но дают известное представление о Нью-Йорке 1957 года, об этом городе пестрых контрастов и голого чистогана.

Въезжая в Нью-Йорк, вы с удивлением обнаруживаете, что в этом ультрасовременном городе сохранен порядок феодальной эпохи: за проезд по мосту Трайборо с вас берут дань. Надпись на арке гласит: «Стоп — плати пошлину. Пассажирский автомобиль — 25 центов». Сунете полисмену в руку серебряный четвертак и возблагодарите господа: вы еще дешево отделались — за проезд по другому мосту с вас взяли бы полдоллара, а если бы вы поехали по автостраде, ведущей в Чикаго, вам пришлось бы отдать целый доллар!

Перед вами Нью-Йорк. Вы чувствуете себя здесь так, словно попали на гигантский заводской двор и лавируете между бесконечными цехами. Всюду бетон, асфальт, камень. Ни деревца, ни травинки. Обнаженная геометрия архитектуры, у которой отнято почти все, что выходит за пределы элементарно необходимого с точки зрения строительной механики, и скучная арифметика улиц.

Вот это и есть те дома, о которых Горький сказал: «Квадратные, лишенные желания быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно...» Эти здания построены уже после того, как Горький писал о Нью-Йорке. Но они все такие же...

Техническая новинка, которая должна была бы заинтересовать и наших строителей: в этом жилом доме все квартиры оборудованы установками, дающими кондиционированный воздух. Вглядитесь — под каждым окном квадратная белая рамочка. Сквозь сетку машина всасывает воздух, фильтрует его и нагревает, если на улице холодно, либо охлаждает, если на улице жарко.

Характерная для Нью-Йорка деталь городского пейзажа: над головой у вас на всем протяжении улицы бесконечный железный поток — второй этаж той же улицы. Автомобилям стало тесно на земле, и вот они полезли вверх. Там им просторнее: нет перекрестков и светофоров, и они могут мчаться во весь дух. А справа вы видите моечную машину. На ней надпись: «Содержи Нью-Йорк чистым!» Но этот призыв остается гласом вопиющего в пустыне: мало найдешь в мире городов, улицы которых были бы так завалены мусором...

Этих грузчиков я снял на рыбном рынке. Здесь, на берегу Ист-Ривер, каждое утро выгружают с пароходов и баркасов сотни, тысячи тонн свежей океанской рыбы, которую поглощает ненасытное чрево гигантского города. Грузчик, который катит тачку, заслонил лицо рукой, увидев, что на него направлен фотоаппарат. «Почему?» — спросил я его. «Будь оно проклято, это ремесло! — ответил он в сердцах. — Я, как каторжник, прикован к чертовой тачке. А мог бы заниматься серьезным делом! Ведь я окончил колледж». Сколько сложных человеческих трагедий таит этот огромный город!

Что это за тесная улочка? Не шутите! Это Уолл-стрит. Да, тот самый Уолл-стрит, о котором вы столько слышали и читали. Он тянется от старой, закопченной церкви святой Троицы, что на Бродвее, до реки Ист-Ривер. Здесь расположены крупнейшие банки и конторы американского бизнеса, в том числе, между прочим, и адвокатская фирма «Салливэн и Кромвелл», которая выдвинула в американскую дипломатию мистера Даллеса. Тридцать тысяч клерков работают в этих зданиях, сгрудившихся вдоль узкой, грязной и кривой улицы Уолл-стрит.

Не верьте тем, кто говорит, что Нью-Йорк — это город небоскребов! Конечно, небоскребы в Нью-Йорке есть, и их не мало. Но подавляющая часть города состоит из трех — четырехэтажных домов. Перед вами одна из тех улиц Нью-Йорка, где живут миллионы его жителей, тружеников, проводящих свои дни и ночи в труде, в заботах о долларе, о хлебе насущном, о том, как бы сохранить свою работу, а если ее потерял, то как найти новую.

Этот снимок сделан на одной из узких улочек центра города из окна автомашины, безнадежно застрявшей в очередной «пробке». Пять человек ходили взад и вперед перед входом в ресторан, в котором они работали. На груди и на спине у них висели картонные плакаты: «Бастуем», «Пожалуйста, помогите нам!». И когда завсегдатаи ресторана подходили к дверн, над которой висела надпись «Открыто, как обычно», они громко кричали: «Не надо! Вы нас погубите», «Там штрейкбрехеры!». Иные посетители замедляли шаг, другие отходили, третьи, пожав плечами, спокойно входили в ресторан...

От Уолл-стрита рукой подать до «Чайнатаун» — «Китайского города». Здесь, в Нижнем Нью-Йорке, вы найдете и Итальянский, и Немецкий, и многие другие «города». Вспомните повесть Короленко «Без языка». Полвека назад эмигранты, искавшие за океаном работы и хлеба, оседали, попадая в Нью-Йорк, друг возле друга; так и образовались эти пестрые кварталы.

В «Китайском городе» вы можете купить плоды манго, приобрести трепангов, найти самые различные коренья, необходимые для китайской кухни, обзавестись китайскими палочками для еды. На снимке вы видите жителей «Китайского города», позади — китайский ресторан «Чашка риса».

Еще одна улица в рабочем районе. Здесь жизнь проста, она открыта взорам прохожих. Все видят, какое белье у жильцов этого дома,— оно развевается на ветру перед их окнами; все знают, что готовится у них на обед,— кухонные запахи далеко распространяются через распахнутые окна; все знают, какие у кого радости или горести,— собираясь перед домом на этой голой площадке, люди делятся друг с другом своими новостями.

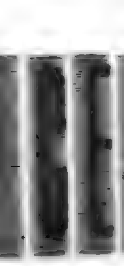
→

«Покупайте!», «Покупайте!», «Покупайте!» — в Нью-Йорке эти слова вы слышите с утра до вечера: сотни тысяч людей в Нью-Йорке заняты тем, что изобретают наиэффективнейшие методы перекачки денег из карманов своих ближних в карманы собственников заводов, фабрик и магазинов. Из витрины магазина фешенебельной 5-й авеню восковые манекены зовут покупательниц зайти и примерить самые модные (и самые дорогие) халаты, пижамы, туфельки. В магазине поплоше — в бедном квартале — реклама проще, грубее. Она стремится поразить воображение покупателя иллюзией, будто сегодня — только сегодня! — ему предоставляется возможность купить нужные вещи по дешевке. Здесь завлекают надписи: «Ежегодная специальная распродажа по самым низким, бросовым ценам!»...

Но жители рабочих районов редко ездят в большие магазины. Они предпочитают покупать товары подешевле на этой вот толкучке. Товары тут дрянные, но что поделаешь, если приходится экономить каждый доллар!..

На этом снимке — витрина газетного киоска в «Китайском городе». Названия газет и журналов написаны по-китайски. Но вглядитесь в обложки, и вы убедитесь, что, кроме иероглифов, здесь ничего китайского нет. Это все та же стряпня американской пропаганды, все те же комиксы и излюбленные американские «пин-ап-герлс», которые штампуются миллионными тиражами на всех языках. Настоящим китайским газетам и журналам доступ в «Чайнатаун» наглухо закрыт: он прегражден американским «железным занавесом»...

В свободные часы жители Нижнего Нью-Йорка выходят на улицу поиграть в ручной мяч либо покатать шары. Катание шаров, напоминающее игру в кегли,— одна из излюбленных забав американцев. Они готовы часами предаваться этому занятию, особенно когда хотят убить время...

На многих улицах Нью-Йорка в эти дни слышался мелодичный звон колокольчиков. 50 Дедов Морозов трезвонили перед дверями магазинов, призывая прохожих пожертвовать от своих щедрот малую толику благотворительной организации «Добровольцы Америки». Дед Мороз, которого я снял на 5-й авеню, получает 3 доллара за восьмичасовой рабочий день...

А этим людям и вовсе некуда спешить. Наметанный глаз нью-йоркского старожила при первом взгляде на их неподвижные, сгорбленные фигуры безошибочно определит: безработные!

Перед нами Бродвей, царство искусственных снов, уводящих американца от действительности, гигант-
ская фабрика механизированных развлечений. Световые рекламы работают на полную мощность. Бук-
вы вертятся, пляшут, откуда-то с высоты на вас летят каскадом мыльные пузыри, с восьмого на ше-
стой этаж с шумом низвергается водопад «Пепси-колы», конкурирующей с «Кока-колой». Рядом огром-
ный курильщик с регулярностью автомата выдыхает облако пара, рекламируя сигареты «Верблюд».
Слева кинематограф «Парамоунт» рекламирует последнюю новинку—фильм «Люби меня нежно»; в глав-
ной роли бесстыдный, хриплоголосый певец Элвис Присли, делающий карьеру на гнусных телодви-
жениях.

Всю ночь напролет остаются открытыми двери бесчисленных кинематографов, дансингов, театров,
ночных кабачков, игорных домов, стрелковых тиров. Встретите вы и такое типично американское заве-
дение: огромный зал, уставленный автоматическими приспособлениями для игр. Здесь же автоматы-
гадалки. Бросьте в щелочку пять центов, и вы получите талончик с предсказанием вашей судьбы.

↓ Уличный продавец сувениров с Бродвея. Гляньте на круглые бляхи, которыми обвешан его пиджак. Такие бляхи покупают почитательницы Элвиса Присли; они носят их в знак верности своему кумиру. На них надписи: «Я люблю Элвиса», «Присоединяйтесь к Элвису». Вам не нравится Элвис? Он вызывает у вас отвращение? Ну что ж, в этом случае купите бляху с надписью «Я ненавижу Элвиса» и носите ее на здоровье! И самое поразительное — это то, что такие бляхи покупают и даже носят...

→ Этот негритянский мальчик — чистильщик сапог с Бродвея, может быть, тот самый, о котором так хорошо поет Ив Монтан. Он окончил свой тяжелый рабочий день. В его кулаке, засунутом в карман, вероятно, зажата вся его небогатая выручка. Перед тем как уйти домой, он задержался перед ярко освещенной витриной заманчивого магазина подарков и игрушек. Чего только тут нет! Но мальчуган уже постиг горькую мудрость жизни: деньги надо экономить. И он уйдет отсюда домой, завернув по пути в продуктовую лавку.

Время близится к полуночи. Двое лихих морячков вышли на поиски приключений, ища неожиданных встреч на Бродвее. Кто знает, как и чем закончат они этот вечер! Не будем об этом гадать...

Рассказ об одной новелле

Хельге ХАГЕРУП

— Нет, не подойдет, — сказал редактор. — Читатели не любят таких рассказов. Им подавай веселенькое, чтобы забыть все тяготы нашего времени. Попробуйте написать что-нибудь забавное. Я уверен, у вас есть талант. К чему эти мрачные краски? Мне непонятна эта новомодная грусть. Есть так много красивого, вот и описывайте. Если хотите, я могу вам подать блестящую идею. У меня почти готов замысел, только некогда взяться за перо. Хотите послушать?

— Буду очень признателен, — ответил я.

— Действие происходит на Ривьере. Архимиллионер, стройный, элегантный юноша, влюблен в горничную. Эту ситуацию вы можете блестяще обыграть. Например, наделить миллионера чудаковатым отцом. Чудаковатые отцы — хороший материал для рассказа. Но учтите, он должен быть неплохим человеком.

— Конечно, — ответил я.

— Затем появляется третье лицо — девушка из балета. Она пытается соблазнить миллионера.

— Отца или сына? — спрашиваю я.

— Сына. Она приглашает его на прогулку в лунную ночь. Он соглашается, так как уверен, что горничная влюблена в шофера. На этой почве у вас возникает масса острых конфликтов. Не забудьте, рассказ невозможен без конфликта.

— Чем же кончается этот рассказ? — спросил я.

— О, я знал, что вы будете заинтригованы! Ну вот, слушайте: миллионер женится на горничной.

— А балерина? — спросил я.

— В этом-то и вся соль. Эффектный конец. Она выходит замуж за шофера. Нужна благополучная концовка. Читатели это любят.

* * *

Я направился со своей новеллой к другому редактору.

— Позвольте, это слишком весело, — заявил он. — Поймите, читатели не любят легкомысленных пустячков, мы живем в серьезное время, и людям не до шуток. Они хотят глубоких вещей. Напишите такое произведение, чтобы оно не забывалось тотчас же. Почему бы вам не взяться за социальную тему? Напишите, например... да... напишите... ну, например, о каком-нибудь происшествии на Ривьере. Сын миллионера влюблен в девушку-кухарку. Его родители протестуют. Они хотят, чтобы их сын женился на дочери нефтяного короля Сниддера. Это будет способствовать процветанию фирмы. Вот вам и сюжет, неплохой сюжет. Во вкусе читателя. Обыграйте как следует эту любовную ситуацию. Любовь, преодолевающую все препятствия на своем пути. Должен вам сказать, читатели хотят найти в книгах отклик на свои собственные переживания.

— А как же быть с дочерью Сниддера? Не жестоко ли мы поступим с ней? — спросил я.

— Дочь Сниддера не любит сына миллионера, — ответил редактор. — Она любит... она любит...

— Шофера? — предложил я.

— Блестяще! Именно шофера. Великолепная идея! Я же знал, что у вас талант!

— Вы, может быть, подскажете мне и концовку? — спросил я.

— Ну, что ж, сделайте трогательную сцену примирения. Пусть Сниддер-отец обнимает мать шофера, мать миллионера обнимает, ну, скажем, отца кухарки. Вот что нравится публике. Чтобы подчеркнуть социальный мотив новеллы, можно заставить богачей раздавать деньги беднякам.

* * *

Третий редактор потребовал пикантной истории.

— Читатели не любят обывательскую провинциальную любовь, — сказал он. — Читатель хочет ярких, волнующих рассказов. Напишите, например, новеллу о Ривьере. Создайте интригу между принцессой долларов, врачом, изящной секретаршей и сыном миллионера. Введите несколько легкомысленно одетых девиц. Это то, что нужно читателям. Я знаю их вкусы. Вы можете на меня положиться.

— А что мне делать с шофером? — осведомился я.

— Шофер пусть окажется садистом-убийцей. Черт возьми, какие иллюстрации можно создать к этой новелле! Вы представляете себе эту сценку: шофер с поднятым ножом над девушкой в купальном костюме, сын миллионера спешит на выручку, он элегантен, во фраке!

— А кто эта девушка в купальном костюме? — спросил я.

— О, это второстепенный персонаж!

Я обещал сделать все, что в моих силах.

* * *

Четвертому редактору показалось, что новелле не хватает целомудрия.

— Может быть, мне написать новеллу из жизни Ривьеры? — спросил я.

— Да, да, отличная идея!

— Дочь стального магната влюблена в сына пьяницы, — предложил я. — Она спасает пьяницу жизнь. Умиленный до слез, он решает никогда не прикасаться к водке. В это же время сын короля пшеницы влюбился в дочь стального магната.

— Необычайно острый конфликт, — сказал редактор. — Как вы думаете разрешить его?

— Я вовлеку в это дело горничную. Она влюбится в сына пшеничного короля, который наконец поймет, что и он в нее влюблен.

— Вот это решение! — воскликнул редактор. — Это называется владеть материалом! Поскорей отправляйтесь домой и усаживайтесь за новеллу, пока вы не остыли.

* * *

Я пошел домой и написал новеллу. Действие происходило на Ривьере. Я ввел в мою новеллу всех: молодцеватого сына миллионера, его чудаковатого отца, который фактически был неплохим человеком, смазливую горничную, темноволосого шофера, несколько легкомысленную девушку из балета, которая, в сущности, была добра душой, пьяницу с его сыном и нефтяного короля с дочерью. Я сделал из всего этого настоящий винегрет и в завершение все конфликты разрешил самым эффектным способом. Все молодые парочки поженились. Пьяница записался в общество трезвости и пил только воду. На каждом шагу были объятия не только между отцами и матерями молодых, но также между хозяином гостиницы и его теткой. Я придумал пикантные сценки, следя за тем, чтобы они были в меру пикантны; я ввел убийство, в котором был заподозрен шофер (к счастью, оказалось, что он невиновен, а убийца и его жертва — второстепенные персонажи). Я создал большие экономические осложнения, чуть было не разбил счастье молодых из-за жестокости родителей. Но все завершилось благополучно, и большие денежные суммы раздавались детям бедняков. Я все описал так весело, что можно было рыдать, и так серьезно, что можно было умереть со смеху.

Когда рассказ был готов, я напечатал его в четырех экземплярах и разослал его четырем редакторам. Первый считал, что я написал очень серьезный рассказ — то, что нужно читателям. Ему казалось, что мне особенно удался чудаковатый отец сына миллионера. Второй хвалил меня за то, что новелла оказалась такой значительной, она представляла собой как бы кусок настоящей истории. Все было описано серьезно и добротно. Подобные новеллы не забываются так быстро! Третий был в восторге от того, что новелла оказалась столь пикантной. Какие женщины! Прекрасные женщины! Он одобрил и сцену убийства. Вот это то, что любит читатель. Все описано до мельчайших подробностей. А какая оригинальная развязка! Никто и не догадается, что убийца — второстепенный персонаж. Четвертый со слезами на глазах благодарил меня за то, что я написал такой пристойный, целомудренный рассказ с такой глубокой моралью. Все четверо хотели опубликовать новеллу.

* * *

Завтра на полученный гонорар я куплю револьвер и застрелю четырех редакторов. Это то, что нужно! Такая концовка им подходит.

Перевела с норвежского В. МОРОЗОВА.

КОНЕЦ

Рисунки Е. Ведерникова.

В мире сказок

В рисунках Евгения Михайловича Рачева оживают чудесные образы народных сказок. Рассматривая книги с иллюстрациями художника, переносишься в поэтический мир, полный чудес, обаятельных вымыслов и фантастики. Но мир этот для ребенка реален. В рисунках воспеваются дружба и верность, борьба со злом; смелость и отвага здесь торжествуют над трусостью и ложью.

Созданные художником образы отточены, отшлифованы и убедительны. Кажется, трудно представить какое-либо иное толкование образов сказок. Рисунки дополняют сказку, оттеняя и глубокую народную мудрость, и меткое, озорное словцо, и мягкий юмор, и забавные черточки в характере героев.

Вот нарядчая и, пожалуй, изящная коза-дереза в красном сарафане, в вышитом передничке с бахромой,— она плывет в танце, помахивая платочком. Грациозно изгибаясь и закинув головку, подбоченясь, она пристукивает копытцами и кокетливо поглядывает на кота, играющего на балалайке.

Вот умный, хитрый русский мужик в картинке «Кому вершки, кому корешки». В глазах его лукавые искорки. Он стоит перед медведем, показывая сочную, аппетитную репку, лежащую на земле. Огромный, неповоротливый, косолапый Мишка в белом зипуне с пояском, вытянув шею и приложив палец к оттопыренной нижней губе, слушает, развесив уши, рассудительную речь мужика и туго, с усилием соображает, не обманывает ли его мужик.

«Коза-дереза».

Косогор. Таруса.

Художник умеет выразить смысл сказки, ее «мораль» без докучливой назидательности, в простых, ясных и законченных образах.

Рачев одевает зверей в костюмы, чтобы в сказочных образах передать сложный мир отношений и характеров. И хотя у него медведь курит люльку, а кот носит шляпу, его звери никогда не кажутся ряжеными. Они не вызывают сомнений в подлинности своего сказочного существования.

Это драгоценное свойство основано на глубоком изучении натуры, на знании движений и повадок зверей: как они стоят на двух ногах, поворачивают голову, прижимают лапу к груди. Мастерское владение рисунком — отличительная черта творчества Рачева.

Художник постоянно рисует с натуры. Он много труда посвящает пейзажам. В его небольших этюдах переданы лирическая красота и своеобразие русской природы («Косогор. Таруса»).

Двадцать пять лет работает Е. М. Рачев над иллюстрацией. На выставке его произведений большое место занимали интересные рисунки последних лет — иллюстрации к сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина и басням С. Михалкова. Здесь талант острого и меткого наблюдателя Рачева-сатирика развернулся в полной мере.

М. ЧЕРЕЙСКАЯ

«Петушок — золотой гребешок».

Иллюстрация к русской народной сказке «Мужик и медведь».

Редкая фотография Д. И. Менделеева

В фондах Иркутского краеведческого музея обнаружена фотография великого русского химика Д. И. Менделеева с дарственной надписью:

«Гаврилу Гавриловичу Казанцеву на добрую память. 1891 сент.

Д. Менделеев».

Г. Г. Казанцев — сын екатеринбургского золотопромышленника, в 1875 году окончил Санкт-Петербургский университет, получив звание кандидата естественных наук. В 1877 году он был утвержден в должности лаборанта химической лаборатории Петербургского университета. Два года Казанцев работал в лаборатории профессора Д. И. Менделеева по его поручению над исследованием точных весов, предназначенных для взвешивания газов.

Молодой ученый отличался недюжинными конструкторскими способностями: он дважды был награжден медалями за изобретение золотопромывной машины и обогатителя для концентрации колчеданистых шлихов.

После смерти отца Г. Г. Казанцев вернулся в Екатеринбург.

Очевидно, во время приезда в Петербург в 1891 году он посетил своего учителя и получил от него эту фотографию с автографом.

Как попала эта фотография в Иркутск, пока не удалось выяснить.

В. СКОРОХОДОВ

Иркутский краеведческий музей.

Осень 1956 года

Осень!
Вовсе не золотая,
Ты пришла на поля Алтая,
Ты помучила нас немало,
Непогодой нас донимала,
Ты морозила нас утрами,
Продувала насквозь ветрами,
Отзывалась ты в сердце болью,
Проливаясь дождем по полю.
Не была ты, осень, красивой,
Ты была испытанием силы:
В эту осень самым бывалым
Нелегко пришлось за штурвалом,
Даже тем, кто водил танки,
Тяжелы показались «баранки».
Дождь сентябрьский, морозец
ранний
Будут помнить и горожане.
Будут знать городские парни,
Что родится хлеб не в пекарне.
Будут знать студентки-медички,
Как нелегок хлеб с непривычки.
Не была ты, осень, красивой.
Ты ворчала, ты грязь месила,
Только мы тебя победили,
Подчинилась ты нашей силе!
Нелегка победа. Но что же?
Чем труднее она, тем дороже.

Н. НИКОЛАЕВ

с. Старая Ажинка,
Алтайского края.

Оригинальные изделия

По лесу идет охотник, но вместо ружья у него пила-ножовка и топорик. Наплывы на дереве, причудливой формы корневища, отрезки ствола дерева с разнообразными ответвлениями — трофеи, с которыми возвращается домой этот «охотник».

Удалить лишнее, очистить наждачной бумагой, кое-что «доделать», подрисовать и затем покрыть лаком — вот весь несложный процесс создания оригинальной скульптуры из лесных находок.

В музее кустарно-художественных изделий города Семенова, Горьковской области, есть отдел экспонатов «Лесные находки». Создан он по инициативе Ф. К. Кучумова — инженера текстильной промышленности. Проводя свой отдых на живописном берегу реки Керженец, в деревне Взвос, Кучумов вместе с группой молодежи организовал походы за лесными находками.

«Рыба».

В местный музей от бригады «Лесные находки» стали поступать экспонаты: медведь, черепаха, головы тигра, бегемота и волка, разнообразные птицы, змеи. Резчик-самоучка Т. Абрамов подарил двухметрового крокодила, сделанного из корня березы.

Многие изделия носят прикладной характер. Из корней дерева получились красивые вешалки, подставки, а из наплывов и капа — оригинальные пепельницы, чашечки, ковши.

В. БОЧКАРЕВ

гор. Семенов.

Природная скульптура

Находясь летом в подмосковной деревне, я как-то укладывал бревна под навес. На одном осиновом бревне я заметил большой сук, который по форме так сильно походил на голову собаки мопса, как будто он был создан не случайно природой, а руками опытного резчика по дереву.

Посылаю это любопытное произведение природы в редакцию: возможно, что фотография будет интересна читателям журнала.

Г. КОЛОКОЛОВ

Пожевский паровоз

Хорошо известно, что первые отечественные паровозы были созданы крепостными механиками Черепановыми в Нижнем Тагиле (1833—1835 годы) для внутризаводской железной дороги, построенной ими же для перевозки медных руд. Но мало кто знает, что вскоре после этого на Урале же был изготовлен и первый русский паровоз для железных дорог общего пользования. Обычно считают, что первые паровозы (после двух черепановских) были выпущены в Петербурге в середине 40-х годов XIX века. Между тем это не так. Честь создания паровоза № 3 принадлежит коллективу крепостных мастеров Пожевского завода, которые в 1838—1839 годах построили для Царскосельской железной дороги паровоз мощностью в 30 лошадиных сил.

Весной 1839 года паровоз был отправлен в Петербург, где показал хорошие эксплуатационные качества. Он не уступал работавшим на дороге иностранным паровозам и оказался лучше их приспособленным к условиям суровой русской зимы. Однако стоил он дороже заграничных локомотивов. Правление дороги от покупки отечественного паровоза отказалось и отправило его обратно на Урал для использования на железной дороге между Всеволодовильвенским и Александровским заводами и Кизеловским рудником. Однако заводоуправление нашло экономически более выгодным применять на железной дороге конную тягу. Паровой двигатель с паровоза был установлен на Александровском заводе «в механической мастерской, для приведения в действие слесарных станков», где он с успехом и работал в течение многих лет. Управляющий Пермскими имениями Лазаревых в 1850 году отмечал, что «известный господ Всеволожских паровоз, бывший в Петербурге», потребляет топлива в расчете на единицу мощности вдвое меньше, чем паровые машины соседних заводов.

Постройка паровоза на Пожевском заводе была осуществлена благодаря высокой квалификации его технического и рабочего персонала. Еще в 1814—1815 годах здесь была сооружена оснащенная передовой техникой «слесарная фабрика», изготовлявшая паровые двигатели. В 1816—1821 годах в Пожве были построены первые камско-волжские пароходы. Производство паровых машин успешно развивалось и дальше.

И. УШАКОВ,
кандидат исторических наук.

Изошутка Л. Караваева.

Инициативная группа конструкторского бюро обсуждает план восстановления дома. Слева направо: Е. Заславский, В. Халдеева и А. Дикань.

Началось строительство дома.

Юл. СЕМЕНОВ

Фото Е. УМНОВА.

Когда советские войска входили в Харьков, город смотрел на освободителей выгоревшими провалами окон. Фашисты разрушили более половины жилых домов и почти все промышленные предприятия города.

Иван Хильков будет иметь свою квартиру!

Ныне Харьков восстановлен. Но с жильем все еще плохо. Плохо с этим и у рабочих завода транспортного машиностроения.

Четыре года работает на заводе в цехе топливной аппаратуры Иван Хильков. На производстве все у него благополучно, а жить приходится с семьей в условиях весьма стесненных. Конечно, он получит со временем квартиру, но надо ждать, может, два, а то и три года.

Хильков точно не помнит, когда и где он прочитал статью наладчика Горьковского автозавода А. Пономарева. Статья называлась «Своими руками». Пономарев рассказывал о том, как рабочие построили для себя дома. Разве нельзя то же сделать в Харькове? И, подчеркнув красным карандашом название статьи, Хильков аккуратно свернул газету и пошел к цеховому руководству.

Начальник цеха Н. Тумаркин как раз беседовал с секретарем парткома Н. Лычагиным и председателем завкома И. Горбиком.

— Почитайте газету, — сказал Хильков. — Тут о полезном деле сказано.

Прочитали.

— Ну, так как же? — спросил Хильков. — У многих из нас с жильем худо. Будем строить?

На этом же заводе, в конструкторском бюро «60-Л», работает инженер В. Халдеева. Она депутат горсовета. Избиратели нередко обращаются к ней за помощью, особенно по жилищным делам. Но мало кому известно, что сама Халдеева вот уже восемь лет живет в заводском общежитии. Ознакомилась со статьей и она. Тут же, недолго думая, пошла вместе с парторгом бюро А. Дикань в завком. А там уже собрались представители многих цехов, и все по одному вопросу. Никто не знал, что часом раньше по тому же поводу говорил Иван Хильков. Не знали и другого: именно в это время в кабинете у директора завода Н. Соболя начиналось совещание, созванное по инициативе партийной и профсоюзной организаций.

На заводе умеют строить хорошие тепловозы и локомотивы. Но как быть с домами? Где изыскать средства? Где достать стройматериалы? Где взять типовые проекты? Совещание приняло решение: послать в Горький делегацию для ознакомления с опытом автозаводцев.

Когда делегаты вернулись, стало ясно: начинать надо с финансирования. Пересмотрели сметы, подрезали, где что могли, и выкроили миллион сто тысяч. Не так уж много, но можно начать строительство пяти домов. Какому же из цехов дать право строиться? Учесть следует все: и производственные возможности и нужду в жилье. Завком предложил разрешить строительство цехам топливной аппаратуры, холодной штамповки, сталелитейному и ремонтно-механическому.

А почему обошли конструкторское бюро «60-Л»? Здесь ведь первыми подхватили почин горьковчан! Тогда конструкторы сами создали инициативную группу. Тридцать пять человек изъявили желание строить дом. Инженеры начали овладевать новыми специальностями: каменщиков, штукатуров, подсобных рабочих. Занимались один день в неделю теорией, другой — практикой. Конструкторам повезло: на Пушкинской улице нашли разрушенный со времени войны флигель. Восстанавливать легче и дешевле, чем строить заново. Руководитель инициативной группы Е. Заславский пошел к городскому архитектору, получил согласие на восстановление флигеля. И принялись за дело!

В то же время закипела работа на строительной площадке около поселка Герцена. Ребята из ремесленного училища обучают «молодых» строителей. Монтируются краны, подводятся дороги. Изо дня в день поднимаются пять домов, сооружаемых руками самих рабочих.

Корреспондент «Огонька» побеседовал с некоторыми руководителями и участниками этих строек. Вот что они сказали:

Н. Лычагин, секретарь парткома

— Как всякое начинание, так и наше имеет еще много недостатков. Нам уже ясно, что в будущем финансирование должно быть поставлено на твердый фундамент. Мы считаем, что министерство нам должно в этом помогать. Мы ведь имеем основания для этого — план у нас перевыполнен. После решения декабрьского Пленума ЦК КПСС министерства должны еще больше заниматься жилищным строительством.

Вопросы материально-технического снабжения мы также будем решать иначе. Мы связались с Эстонией, изучили опыт строительства из силикальцита. Одновременно хотим организовать на заводе производство крупных блоков. У нас есть маленький подсобный железобетонный завод, мы его расширим и сами будем выпускать дефицитный материал.

И. Горбик, председатель завкома

— Никто не дал нам ни грамма цемента, ни доски на строительство. В министерстве сказали: «Ваше строительство не предусмотрено планом. Ничем помочь не можем». В горсовете тоже ничем не помогли: «Сами кашу заварили, сами и расхлебывайте».

А ведь для строительства материалы — главное. Деньги можно иметь, а построить ничего не построишь. Мы связались с белгородскими цементниками, изготовили для них запчасти из сэкономленных материалов, а они нам помогли сверхплановым цементом. Понадобился кирпич. Установили контакт с кирпичным заводом № 12. Наши рабочие им помогают, их рабочие — нашим.

Каждый рабочий у нас знает, что к концу года мы получим не пять с половиной тысяч квадратных метров, как это было запланировано, а четырнадцать с половиной тысяч.

Н. Тумаркин, председатель заводского комитета содействия рабочему жилищному строительству

— Для рабочих цеха топливной аппаратуры к ноябрю этого года будет построено 56 комнат. Если инициативу поддержат в полную меру, то весь заводской коллектив решит жилищную проблему за три года.

Многие заводы Харькова начинают строиться. Почему бы городским планирующим организациям не подумать о создании местной строительной базы? В городе и его окрестностях можно организовать производство кирпича, шифера, крупных блоков.

Н. Соболь, директор завода

— Не все еще налажено со средствами. Но, мне думается, недостающие деньги можно изыскать. Снижение себестоимости, рационализация, изобретательство, новая техника — все должно быть поставлено на службу.

Надо сказать, что инициаторы строительства тянут за собой и местную промышленность. Хватит жить только за счет государства, надо больше инициативы проявлять! Тем более сейчас, когда расширены права директоров предприятий.

Н. Темнохуд, слесарь

— Хочу передать наш совет всем, кто будет строиться: вести строительство домов надо не параллельно, а поточно. Поточный способ разрешает нам лучше распределить рабочую силу и строительные материалы. Нельзя ограничиваться интересами своего цеха, надо думать о всех рабочих завода. Вот у нас сейчас сорок каменщиков строят пять домов. Один цех выделил больше каменщиков, другой меньше. А в ближайшие дни все сорок каменщиков будут строить один дом. Мы подсчитали, что в этом случае вместо трех месяцев на строительство дома потребуется всего месяц. В общем, будем с жильем!

«Ученик» слесарь Н. Пеньков и его «учитель» Саша Сиряченко.

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Юрий ЯКОВЛЕВ

Кто он? Что он?
Простой человек,
На посту своем честно
Стоящий весь век.

Он в костюме обычном,
Что фабрикой сшит,
Каждый день по утрам
На работу спешит.

В рыжеватой щетинке
Блестит серебро.
Улыбнулся. Кивнул мне.
И скрылся в метро.

Я в газете о нем
Никогда не читал
И портретов его
Никогда не встречал.

Да и кто же повесит
На стенку портрет,
Если он не герой,
Если он не поэт...

Как он гордо живет
В своем званье простом,
Вряд ли многие люди
Слыхали о том.

И, наверное, знает
Немного людей,
Как он бережно любит
Жену и детей.

А как может помочь
Его смелый совет,
Знает только
По гроб благодарный сосед.

Как бойца молодого
Он спас на войне,
Никому не известно,
Известно лишь мне.

Мне известно,
Как он, неизвестный, живет,
Что за книги читает,
Как песни поет,

Как гоняет с мальчишками
Он голубей,
Как он делится с другом
Рубашкой своей...

Если б мог я придумать
Такое стекло,
Чтоб в стократ увеличить
Свободно могло

Для огромной земли,
Для народа всего
Непростое, чудесное
Сердце его!

Потому только слава его
И мала,
Что не знают поэты
Такого стекла.

НА БЕРЕГАХ ТИСЫ

Лев КОНДЫРЕВ

Светло здесь в травах пестрых
На склонах Закарпатья,
Тропинки словно сестры,
Деревья словно братья.

В логу косынкой алой
Малина долго машет,
Когда плоты к отвалу
Готовят бокораши [1].

Из разных стран туристы,
Призвав на помощь фото,
Спешат тогда на пристань
«Засечь» процесс работы.

Но разве объективу
Поймать гостям в забаву
Лесное это диво,
Красу большого сплава?

Пусть будут линзы зорче
Скользить по перепутьям,
В глубины духа кормчих
Вовек не заглянуть им.

Обрублены канаты
Петром Рудым из Хуста.
На веслах угловатых
Клубится пена густо.

Кипит вода, бросая
Валы с людьми в сраженье.
Лука реки косая
Дрожит от напряженья.

Цепочкой золотою
В долину с горных высей
С курьерской быстротою
Летят плоты по Тисе.

[1] Плотогоны.

Два стихотворения

Кармыс ДОСАНОВ

СЧАСТЬЕ

**Реки начало в горных кручах.
Из зернышка возник росток.
Но где начало чувств певучих!
Где счастья нашего исток!**

**Отвечу именем народов,
Чьи сны свершились наяву,
Москву — Надежду и Свободу —
Я нашим счастьем назову.**

**Есть истины.
Пусть эти строки
Их понесут быстрей молвы:
Восходит солнце на востоке,
Приходит счастье из Москвы!**

* * *

**Все бесконечно течет,
Жизнь изменяя всегда.
Речкой становится лед,
В пар превратилась вода.
Пар облаками плывет,
Ливнем полив города.
Камень огромный, и тот
В пыль превращают года.
В мире всему свой черед.
Преданным сердцем горда,
Тихо любовь в нем цветет,
Но не умрет никогда.**

**Перевел с каракалпанского
Р. СЕФ.**

КОРИФЕИ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Среди художников народного Китая важное место занимает один из талантливых и самобытных мастеров, Цзян Чжао-хэ. Его кисти принадлежат многочисленные работы, с большой реалистической силой отображающие жизнь в старом и новом, народном Китае.

Цзян Чжао-хэ родился в 1902 году в бедной семье. Детство художника прошло в нужде, лишившей его возможности получить образование. Уже с самых ранних лет у мальчика проявилась тяга к изображению окружающей жизни, особенно любил он рисовать людей.

Для творческой манеры Цзян Чжао-хэ характерно сочетание приемов китайской национальной живописи, имеющей свои многовековые традиции, с элементами западноевропейского изобразительного искусства. Созданные художником картины, реалистические по своей природе, отличаются простотой и выразительностью линий, прозрачностью цвета, объемностью.

Кисти Цзян Чжао-хэ принадлежит целая галерея глубоко запоминающихся образов старого, полуфеодального Китая: здесь и убеленный сединами старец в рубище, ожидающий милостыни, и изможденные лица уличных музыкантов, и голодный, обессилевший ребенок на тротуаре с нищенской чашкой для подаяния, и мать, расстающаяся со своим сыном, который покидает дом в годину стихийного бедствия.

Торжество народной революции в Китае принесло художнику новые темы и образы. Цзян Чжао-хэ создал много картин, отображающих новый день народного Китая. Видное место среди этих его работ занимает картина «На страже у реки Ялу». Художнику удалось найти свежие, выразительные краски для создания незабываемых образов в картинах «Получение документа на право владения землей», «Жизнь на счастливой земле», «Жизнь год от года лучше», «Внучка, читающая деду газету», «Диктант», плакат «За мир» и многих других. Эти работы Цзян Чжао-хэ свидетельствуют о большом творческом подъеме художника.

Цзян Чжао-хэ написал также целую галерею портретов корифеев китайской литературы, авторов неумирающих творений китайской поэзии, являющихся гордостью китайской культуры. Среди этих работ — портреты Сыма Цяня, Тао Юань-мина, Цао Чжи, Лу Ю, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Су Ши и Ли Цин-чжао. Мы публикуем портреты этих корифеев китайской поэзии и короткие рассказы о них.

Профессор Н. ФЕДОРЕНКО

Сыма Цянь (II—I век до нашей эры) — талантливый человек, обладавший энциклопедическим умом и огромной эрудицией. Он был историком, астрономом, поэтом и великолепным писателем-прозаиком. В «Истории ранней Ханьской династии» упоминаются восемь од Сыма Цяня (до наших дней сохранилась лишь одна ода, и та не полностью). Однако заслуга Сыма Цяня перед китайской литературой заключается в его «Исторических записках», многие страницы которых написаны подлинным художником слова. Особенно интересен в этом отношении написанный ритмической прозой раздел «Исторических записок», содержащий биографии, или жизнеописания. Каждое такое жизнеописание — это законченное литературное произведение, своеобразная историческая новелла.

Сыма Цянь стремился писать языком простым и понятным народу. Он сознательно избегал архаизмов, умело применял народные пословицы и выражения. Например, в одной из глав его исторического труда встречаются такие слова: «Как говорится в пословице, чем корпеть над своим полем, лучше попросту дождаться урожайного года; чем быть старательным чиновником, лучше попасть в милость императору. Это не пустые слова! Не только женщины угождали своей красотой императору — случалось это и с чиновниками...»

«Исторические записки» Сыма Цяня — это шедевр древней китайской прозаической литературы.

Тао Юань-мин (365—427 годы). IV—V века характеризуются широким распространением идей даосизма и значительным оживлением литературного творчества. Однако господствовала в то время эстетская феодальная придворная поэзия, далекая от жизни и, несмотря на блестящую форму, бессодержательная. И вот в эту пору расцвета условной и утонченной поэзии появляется блестящая плеяда поэтов во главе с поэтом Тао Цянем, или Тао Юань-мином, принесшая в китайскую поэзию светлую струю. Тао Цянь был родоначальником новой поэзии, освободившейся от многих старых условностей.

Крупнейший художник слова, Тао Цянь, недовольный существовавшим политическим режимом, стал на путь отшельничества. Он занимался сельским трудом и жил в лишениях. В его стихотворениях и прозе, написанных доступным, простым языком, воспеваются радость сельского труда, скромная семейная жизнь, домашний круг, дети. Полные философского раздумья и глубокой поэтичности произведения Тао Цяня написаны в присущем лишь ему стиле, отличном от общераспространенных в его время веяний.

Тао Цяня часто называют поэтом полей и садов. Однако, воспевая одиночество на лоне природы и простоту деревенской жизни, поэт далеко не был отрешившимся от жизни отшельником. Он видел не только «южные горы» и картины безмятежной сельской идиллии. Он видел и нищету китайского крестьянства, тяжесть его труда.

Творчество Тао Цяня — прекрасная страница в истории китайской литературы. Яркую характеристику поэту дал Бо Цзюй-и в стихотворении «Жизнь пьяного поэта», написанном в подражательной манере на стихотворение Тао Юань-мина «Жизнь поэта у пяти ив»:

Не за то он мне дорог,
Что вино в его чаше плескалось.
Не за то он мне дорог,
Что без струн его лютня была.
То люблю я в поэте,
Что презрел он корыстную славу
И на старости умер
Среди этих холмов и садов.
И когда я встречаю
Человека с фамилией Тао,
Всякий раз это имя
Наполняет любовью меня.

Цао Чжи (194—232 годы), или **Цао Цзи-цзянь**, был крупнейшим поэтом своей эпохи. О его талантливости ходили легенды. О нем говорили, что во всем мире только десять доу таланта и из них восемью доу владеет один Цзи-цзянь. (Доу — китайская мера объема, равная 10,4 литра.)

Цао Чжи создал ряд прекрасных стихов, отобразивших богатый и сложный мир его мыслей и чувств. В стиле традиции «Юэфу» написаны стихи «Дикие поля», «Песня о семи печалях», в которой рассказывается о женской тоске.

Лу Ю (1125—1210 годы). Творчество этого поэта, горячо любящего отечество и никогда не расстающегося с мыслью о возвращении родной земли, расцветает в период захвата Северного Китая иноземными племенами чжурчженей, когда государственная власть Китая перемещается на юг со столицей Ханчжоу.

Поэтическому творчеству Лу Ю присущи мотивы патриотизма, глубокой любви к народу. В тревожное для отечества время поэт выше всего ставил интересы своей страны, народа.

Ли Бо (701—762 годы) — создатель проникновенных лирических творений, ярких образов, полных неисчерпаемой творческой фантазии, бурных эмоциональных порывов,— представляет собой значительное явление в поэтическом творчестве танской эпохи (618—906 годы). Недаром китайская литературная критика отмечала еще в старину, что стих Ли Бо стремительно захватывает все; словно небесный конь, промчавшийся в пустоте, не оставляет следа, по которому его можно найти; словно ласточка, проносящаяся над поверхностью вод то здесь, то там, и ее не поймать в силки. Многие поэтические творения Ли Бо, отличающиеся необыкновенной простотой стиля и неповторимой задушевностью, продолжают жить в Китае как самые чтимые и близкие сердцу народа.

Ду Фу (712—770 годы) явился продолжателем лучших традиций прошлого и основоположником новых традиций в китайской поэзии. Бурное поэтическое творчество Ду Фу было полно демократического вызова и яркого социального темперамента.

Движимый идеями патриотизма и служения народу, Ду Фу был полон глубокого участия к интересам простого народа, великой тревоги о судьбе своей родины. В «Стихах в пятьсот слов с том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в Фынсянь» есть такие строки:

И сердца жар,
Бредя тропой земною,
Я отдавал народу
Всей душой.
Пусть господа
Смеются надо мною,
Но в громких песнях
Слышен голос мой.

В поэтических творениях Ду Фу, в его песнях находили свое выражение гневный протест и борьба поэта против господ, против всех жестокостей и тирании власть имущих, против неравенства и несправедливости.

Бо Цзюй-и (772—846 годы) посвятил значительную часть своих произведений острым социальным темам. В предисловии известного поэта Юань Чжэня к стихотворениям Бо Цзюй-и сказано: «В течение двадцати лет стихи Бо Цзюй-и писались на стенах правительственных зданий, даосских и буддийских храмов, почтовых станций...»

Бо Цзюй-и четко сформулировал требования к литературе: «Литературное произведение должно соответствовать времени, стихи должны соответствовать действительности».

В Китае широко известно предание о том, что Бо Цзюй-и, прежде чем распространить свои стихи, непременно проверял их, читая «простой старухе» — своей воспитательнице. И когда она не понимала на слух нового стихотворения или отзывалась о нем отрицательно, поэт продолжал работу, стремясь освободиться от непонятных книжных слов.

На титульном листе одного из собраний сочинений Бо Цзюй-и (издание 1620 года) напечатано четверостишие неизвестного автора, весьма метко раскрывающее главное в творчестве поэта:

К пышной речи не стремился
И отличья не искал,
О простых, о бедных людях
К императору взывал.

Су Ши, или **Су Дун-по** (1036—1101 годы). Объединение Китая под эгидой Сунской династии привело страну к временному миру. XI век явился периодом нового подъема китайской литературы. Отходя постепенно от танской поэзии, писатели создают свой новый стиль.

Одним из создателей этого стиля был Су Ши — высоко одаренный поэт, блестяще выступавший в разных жанрах. Написанные им в жанре «цы» стихи отличаются новизной тематики и свежестью чувств. Широко известны принадлежащие его кисти философские стихотворения в прозе.

Поэтесса Ли Цин-чжао (1081—1140 годы) приложила много усилий для развития нового песенно-поэтического творчества эпохи Сун. Выдающимся явлением этого периода становится введение в литературу форм живого языка и живой речи.

Произведения поэтов сунской эпохи вновь показали, как многогранны и различны формы проявления и выражения чувств национальной гордости, любви к народу, патриотизма.

ЧЕРКАСОВ РАССКАЗЫВАЕТ

На Ленинградской киностудии снимается фильм «Дон Кихот» по сценарию Е. Шварца, режиссер — Г. Козинцев. Народный артист СССР Н. К. Черкасов исполняет в фильме заглавную роль.

Перед нами—высокая, сухощавая, аскетическая фигура, лицо фанатика и добряка. Именно таким представляешь Дон Кихота по роману Сервантеса и по превосходным иллюстрациям Доре.

Николай Константинович Черкасов рассказывает:

— На моем актерском пути несколько раз вставал Дон Кихот, на рыцарском щите которого изображено пламенное сердце. Может быть, благодаря моим внешним данным режиссеры, едва в поле их зрения попадала моя вытянутая фигура, как правило, начинали задумываться над постановкой спектакля о Дон Кихоте. Впервые мне пришлось надеть рыцарские латы и «примерить» грим Дон Кихота в 1920 году: будучи статистом в Мариинском театре оперы и балета, на белом коне, «загримированном» под Росинанта, я проезжал по сцене, дублируя Шаляпина в немом эпизоде оперы Массне «Дон Кихот». Вторично — и тоже без слов — я выступил через несколько лет в одноименном балете Минкуса. Затем постановка Ленинградского театра юного зрителя—пьеса А. Бруштейн и Б. Зона, написанная по роману Сервантеса. И, наконец, в 1941 году трагикомедия М. Булгакова на сцене Ленинградского театра драмы имени Пушкина.

И вот теперь мне предоставлена возможность играть Дон Кихота в фильме. Сценарий Е. Шварца и режиссерская трактовка этого произведения потребовали совершенно нового раскрытия образа.

Важно совсем не то, что мелкий дворянин, деревенский чудак, начитавшись рыцарских романов, вообразил себя рыцарем. Важно, что он решил бороться за справедливость,— говорит Николай Константинович и произносит слова Дон Кихота из только что отснятой сцены:

— «Вспоминайте меня на свой лад, как просит ваша душа... Вспоминайте бедного идальго Алонсо Кихано, прозванного за свои поступки — Добрым».

Тощий идальго Ламанча — испанского Миргорода XVI—XVII веков — не просто безумец, утверждает артист. Это человек, пусть со своими слабостями и странностями, которым владеет идея справедливости. Мы всей душой с Дон Кихотом, потому что он добр и гуманен, но мы будем и смеяться над ним: верхом на тощей кляче, с помощью сломанного копья пытается он один на один одолеть зло и насилие.

Мы спрашиваем Николая Константиновича о трудностях, которые встречались при съемке фильма.

— Их было значительно больше, чем обычно. Две трети картины снимались на натуре, и это, конечно, усложняло работу над фильмом. Солнцу не скажешь: свети, но не грей! И оно грело! 40 градусов крымской жары, да еще в рыцарских доспехах, верхом на кляче!..

А борьба Дон Кихота с мельницей, когда в тяжелом рыцарском вооружении пришлось покрутиться на крыльях ветряка, сражаясь с мнимым волшебником и произнося страстный монолог: «...я верую, верую в рыцарское благородство!» Нелегко было в сцене встречи Дон Кихота со львом, хотя и подготовленным для этого Борисом Эдером.

Работа нашей группы идет к концу,— говорит Н. К. Черкасов,— и мы надеемся, что весной нынешнего года зрители смогут оценить наш труд.

Н. СВЕТЛОВА

На съемках фильма. Дон Кихот—народный артист СССР Н. К. Черкасов и Санчо Панса — народный артист СССР Ю. В. Толубеев.
Фото Б. Резникова.

Художники

Все для детей делают взрослые. Они пишут детские книги, изобретают механизированные игрушки, шьют детские пальто, работают артистами в детских театрах. И в Деттизе, куда мы пришли, все должности были заняты людьми, безусловно, взрослыми.

Главный художник Деттиза Борис Александрович Дехтерев тоже оказался взрослым и, как все взрослые, был очень занят. Когда мы заинтересовались работой художников для детей, Борис Александрович вздохнул, посмотрел на нас укоризненно, но беседу признал нужной.

— Для детей рисовать трудно,— сказал Б. А. Дехтерев.—Юные читатели не любят сюсюканья, в жизни и в искусстве больше всего ценят искренность. Иллюстрируя детскую книгу, постоянно приходится быть в этом отношении настороже.

Первая книжка малыша—это ведь, в сущности, первая «картинная галерея», где у юного гражданина начинают складываться свои представления о плохом и хорошем, красивом и безобразном. Не сочтите за оригинальничанье, но я считаю, что если встречаются в жизни люди с изуродованным вкусом, примитивным или, наоборот, вычурным и претенциозным, то в этом отчасти виноваты... книжки с плохими, безвкусными иллюстрациями.

Естественно, что все мы, художники-иллюстраторы, каждый в меру своих способностей, стараемся сделать книгу для детей интересной, красочней, выразительной. И надо сказать, что добились уже немалого. Однако зачастую художнику вредит многословие. Знаете, как бывает: человек хочет вам рассказать о каком-нибудь происшествии. Ну, допустим, что он упал и расшибся. А начинает о погоде, да куда шел, да как был одет, да кого встретил, и т. д. С такими людьми иметь дело очень утомительно. Иллюстрации иногда бывают столь же болтливы.

Т. Маврина. Обложка русской народной сказки «Сивка-бурка».

Ю. Узбяков. Обложка книги «Фома» С. Михалкова.

Б. Дехтерев. Обложка одной из сказок Перро.

Выбрав в книге определенный эпизод, художник вовсе не обязан говорить об этом эпизоде все. Надо сказать только самое главное. Иллюстрация в книге — это своего рода ориентир, помогающий читателю сосредоточить внимание на основной сюжетной линии, на центральном образе литературного произведения. В особенности это относится, конечно, к книгам для детей, где многословие просто нетерпимо. Кроме того, чересчур заботливо и с фотографической точностью воспроизводя все детали обстановки, мы тем самым лишаем ребенка необходимого ему элемента игры.

Ребенок—всегда фантазер. Ему ничего не стоит вообразить себя паровозом, а своих товарищей вагонами или превратить четыре ножки обеденного стола в дремучий лес, а перепуганную кошку — в грозного тигра. Дети превосходно воспринимают условность обобщения, гиперболу.

В двадцатые годы наши иллюстраторы накопили значительный опыт декоративного, броского оформления детской книги. Достаточно вспомнить, как оформлял свои книжки для детей Маяковский. Но в наше время углубленная психологическая характеристика, стремление к исторической достоверности потребовали иных, более сложных, иногда даже более традиционных приемов. Правда, при этом от декоративности отказываться вряд ли следовало. Ведь пословица «По одежке встречают...» относится к кни-

ЕГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ

В 7 часов 15 минут, после второго звонка, в маленькую будочку на сцене спускается суфлер. Каждая деталь его рабочего места тщательно рассчитана. Стены будки обиты войлоком, чтобы голос суфлера не был услышан зрителем. На уровне пола сцены — пюпитр для пьесы, маленькая лампочка, вставленная в специальную трубку, освещает ее листы.

В современном советском театре суфлер подсказывает слова главным образом на репетициях, на спектаклях же только следит за актерами. Работа его основана на абсолютном знании текста и ремарок пьесы, знании режиссерского плана каждого спектакля.

Известны замечательные мастера суфлерского искусства, такие, как И. Дарьяльский — старейший работник Малого театра, отдавший полвека жизни сцене, работавший с Ермоловой, Федотовой, Никулиной, Садовскими, Южиным, Давыдовым. Уважаемый труженик сцены и Сергей Евгеньевич Остроумов. Н. Касаткин — любимый суфлер Станиславского — работает и ныне в Художественном театре. Много есть и молодых хороших мастеров.

В дореволюционном театре, особенно в провинциальном, суфлер был

-детям

гам, в особенности к детским, в не меньшей степени, чем к людям.

Художнику-иллюстратору детской книги необходимо чувство юмора; его изобразительный язык должен быть по возможности шутлив, ироничен, забавен. К сожалению, эти драгоценные качества вовсе нас покидают, как только мы беремся за оформление научно-популярной литературы. И такого рода издания напоминают порой учебники, к тому же скучные. Мы привыкли о серьезном говорить с детьми только в назидательном тоне. А вот мне пришлось как-то разглядывать учебник немецкого языка для французских детей. Авторы здесь иллюстрировали грамматические правила множеством веселых картинок с подписями. Нехитрый юмор художника превратил изучение языка из скучной зубрежки правил в удовольствие.

Что нам мешает? К сожалению, до сих пор по-настоящему хорошей бумаги хватает только на издания более или менее уникальные, малотиражные и дорогостоящие. Из-за этого нередко приходится печатать даже сложные, многоцветные иллюстрации на бумаге, вовсе для этого не пригодной. Качество печати тоже оставляет желать лучшего. Мешает серость в самом буквальном смысле этого слова: сероватая «черная краска», бледные, как будто выцветшие обложки.

Мы выпускаем много интересных изданий. Недавно вышла из печати долгое время не переиздававшаяся повесть-сказка Юрия Олеши «Три толстяка», оформленная В. Горяевым — художником своеобразного склада и большого темперамента. Рисунки получились острые, гротескные, очень смешные.

А. Каневский. Из иллюстраций к книге «Девочка-ревушка» А. и П. Барто.

В. Сутеев. Обложка книги «Приключения Чиполлино» Дж. Родари.

В. Горяев. Из иллюстраций к книге «Три толстяка» Ю. Олеши.

Сейчас Горяев работает над рисунками к книге «Алиса в стране чудес», готовящейся к выпуску. Приключения маленькой Алисы в удивительном царстве зеркал должны понравиться нашим читателям,— мы в детские годы очень любили эту чудесную, веселую и добрую сказку.

Художники Ю. Коровин и В. Тарасенко оформили книжку «Цирк» — целое представление в картинках,— искренне и увлеченно рассказав о жонглерах и канатоходцах, о силачах и клоунах, о сообразительных цирковых медведях и слонах.

Многие наши планы связаны с предстоящим Всемирным фестивалем молодежи в Москве. Думается, с интересом будет встречен сборник «Народы мира» — графические картины из жизни народов, населяющих земной шар. Текст займет в этой книге сравнительно небольшое место.

Широко задуманную серию «Золотая библиотека» откроет повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий»; впервые с цветными иллюстрациями выйдет «Тимур и его команда» А. Гайдара. Художник В. Конашевич работает над сборником под многообещающим названием «Плывет, плывет кораблик...» — английские народные песни в переводах С. Я. Маршака. Сам я занят сейчас старинным индийским эпосом «Рамаяна», который мы издаем в обработке известного индийского писателя Према Чанда.

Впрочем, все эти книги скоро появятся в магазинах и сами о себе подробно расскажут.

Г. АЛЕКСЕЕВ

И. Семенов. Из иллюстраций к книге «Мы с приятелем» С. Михалкова.

С. Е. Остроумов, суфлер Малого театра. Фото О. Кнорринга.

одной из основных фигур. Известно немало случаев, когда только усилия суфлера спасали спектакль. Ведь премьеры шли порой каждую неделю или даже чаще, и актеры не успевали учить ролей, целиком рассчитывая на «голос из будки». Удачным считался спектакль, в котором актеры не путали реплики, подсказанные суфлером, и произносили свой текст, а не партнера.

Известная русская актриса Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова писала: «Я никогда не играла под суфлера, но сорок лет играла с суфлером»... «Суфлер — это покой актера», «это верная страховка, это актерская память».

Гр. МИНСКИЙ

Артистка Лу И готовит «актеров» к спектаклю.

ТЕАТР кукол и теней

Театр марионеток из Фуцзяни. Представление «Даминфу».

Театр теней из Хунани. Артист Тань Дэ-гуй с журавлем.

У китайского кукольного театра почтенный возраст. Он существует не века, а тысячелетия. Искусство его традиционно и народно. Оно передается из поколения в поколение — от отца к сыну.

С Пекинским, Фуцзянским, Хунаньским кукольными театрами Китайской Народной Республики посчастливилось недавно познакомиться москвичам: китайские артисты проездом на родину, после успешных гастролей в Праге и Варшаве, дали несколько представлений в Центральном Доме работников искусств и в Доме актера.

Красочные марионетки (Фуцзянский театр) поразили зрителей необычайной непринужденностью движений. А потом гости показали, так сказать, «кухню» своего мастерства: опустилась скрывающая артистов ширма, и зал увидел, с какой удивительной ловкостью перебирают исполнители своими пальцами нити, управляющие движениями кукол.

Очень выразительны куклы на тростях (Пекинский театр), представившие несколько сцен: простоватый деревенский пастушок неуклюже заигрывает с девушкой, проезжающей мимо на ослике; царь обезьян, перевоплотившийся в красавицу, пытается проверить, как Чжу Ба-цзе выполняет обет воздержания. Чжу Ба-цзе тут же нарушает обет и, посадив красавицу себе на спину, несет ее домой...

Перчаточные куклы в традиционных для китайской оперы костюмах играли пьесу «Лэй Ван-чунь убивает тигра». Тигр вел себя, как и полагается животному: потягивался, чесался, даже... искал блох. Разинув огромную багровую пасть, он свирепо бросался на храброго охотника, и поединок между ними происходил в стремительном ритме. А потом Лэй Ван-чунь, защищая девушку, сражался с разбойниками. Мелькало оружие, куклы в схватке сплетались в клубок, разбегались в стороны.

В Китайском театре теней нет черно-серых силуэтов, его тени — цветные. Как это делается? Плоские фигурки из ослиной кожи раскрашены, в них прорезаны рисунки. Фигурки вплотную приближены к прозрачному экрану и освещены сзади.

Прелестна сценка-басня Театра теней «Журавль и черепаха». Надменный журавль нападает на важную, степенную черепаху: клюет ее в голову, щиплет длинным клювом сзади. Но черепаха все же перехитрила злого журавля и загрызла его... Красавец белый журавль с алым хохолком так грациозно и изящно взлетает, прихорашивается, чистит перышки, что кажется, будто видишь не птицу, а балерину. Фигуркой журавля, пользуясь длинными тонкими палочками, управляет талантливый артист.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Фото С. Шингарева.

Тигры Семиречья

Профессор В. В. Семенов-Тян-Шанский и техник-препаратор М. А. Заславский в лаборатории Института зоологии АН СССР рассматривают шкуру тигра, убитого сто лет назад в Заилийском Алатау и предназначенную для реставрации.

В географической литературе, посвященной путешествию П. П. Семенова в Тянь-Шань, приводится случай нападения тигра на охотников-казаков, спутников русского географа. Это произошло в сентябре 1856 года при поездке в ущелье реки Иссык, восточнее Алма-Аты, а тогда Верного. Увидев среди зарослей дикорастущих плодовых деревьев и тянь-шаньской ели двух тигров, казаки стали их преследовать. Притаившийся в зарослях тигр бросился на одного из стрелков и стремительным ударом лапы выбил у него из рук винтовку. Опытный охотник не растерялся и хотел взять у своего молодого товарища его оружие, но тот так опешил, что ни выстрелить, ни передать винтовку не смог. Когда казак отвернулся от тигра, чтобы поднять свою винтовку, зверь бросился на него, схватил за плечо и потащил в заросли, к реке.

В это время на тигра набросилась собака. Вцепившись в спину, она заставила зверя бросить свою жертву. Подоспевший третий охотник двумя выстрелами поразил тигра, который все же нашел в себе еще силы спуститься к реке и напиться воды.

Пострадавшего охотника доставили в город Верный, где в госпитале у него отняли перекушенную зверем руку.

Шкуру убитого тигра подарили П. П. Семенову; он привез ее в Петербург.

Мы побывали в Ленинграде, на квартире у внука путешественника. В числе многих памятных находок внук Петра Петровича, профессор Ленинградского судостроительного института В. В. Семенов-Тян-Шанский, показал нам шкуру тигра, убитого казаками в окрестностях Верного сто лет назад.

Тигров в Семиречье, как ранее называли часть теперешней Казахской ССР и Киргизской ССР, было много. Нередко встречи с ними заканчивались для охотников трагически. Известен, например, случай, когда в 1892 году на военный пикет, стоявший в Капчигайском ущелье, на реке Или, напал огромный тигр. Раненый зверь покалечил трех солдат и у некоторых поломал винтовки.

О встречах с семиреченскими тиграми повествует картина туркестанского художника Е. Тихменева «Нападение тигра на солдат на реке Или», хранящаяся в Центральном государственном музее Казахстана.

Владимир РАЦЕК,
действительный член Географического общества СССР.
Ташкент.

Репродукция с картины Е. Тихменева.

Водопровод Коперника

Великие люди — люди широких знаний, таким был и Николай Коперник. Нам он известен как гениальный реформатор астрономии. Современники, среди которых он жил и работал, знали его главным образом как выдающегося администратора, проницательного врача, искусного инженера. Коперниковская система мира приобрела славу значительно позднее, когда ее основателя уже давно не было в живых.

В кипучей и многообразной деятельности замечательного сына польского народа большой интерес представляет мало кому теперь известное устройство Коперником водопровода во Фромборке и других городах Польши.

В первой половине XVI века в больших городах Европы уже существовали водопроводы, но они были весьма примитивны. Вода поднималась из водоема ручным способом, бадьями, с помощью всем знакомого колодезного журавля и шла самотеком по деревянным трубам. Коперник создал водопровод с механическим подъемом воды на большую высоту и с распределением ее под напором.

Для этого на реке Бауде, протекающей неподалеку от Фромборка, он соорудил плотину, дамбу, шлюз и отводной канал к городу. Канал протяжением около четырех километров проходил под башней с механическим устройством для подъема воды и вращал колеса построенных на нем мельниц. Вода поднималась из канала так: между двумя призматическими валами, укрепленными на верху и внизу башни, была натянута бесконечная цепь с ковшами; нижний вал приводился в движение водяным колесом; вращаясь, он двигал цепь. Ковши, зачерпнув воду, поднимались до верха башни на высоту 25 метров и там опорожнялись в приемную воронку, соединенную с большим напорным резервуаром, установленным на холме. Из резервуара вода по системе свинцовых труб распределялась по домовладениям.

Это был первый в мире напорный городской водопровод с подъемом воды на такую высоту. Водопровод этот просуществовал свыше двухсот лет.

Кроме Фромборка, известно еще несколько городов, в которых был устроен водопровод если не самим Коперником, то при его участии или по его системе.

Б. АЛЕКСЕЕВ

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Севастопольской картинной галереи, две страницы иллюстраций Е. Рачева и две страницы цветных фотографий.

Румынские пословицы и поговорки

Смирная кошка сильнее царапает.

Наседка, которая сидит на большой куче яиц, не высидит ни одного цыпленка.

Кто ест льняное семя, тот ест собственную рубашку.

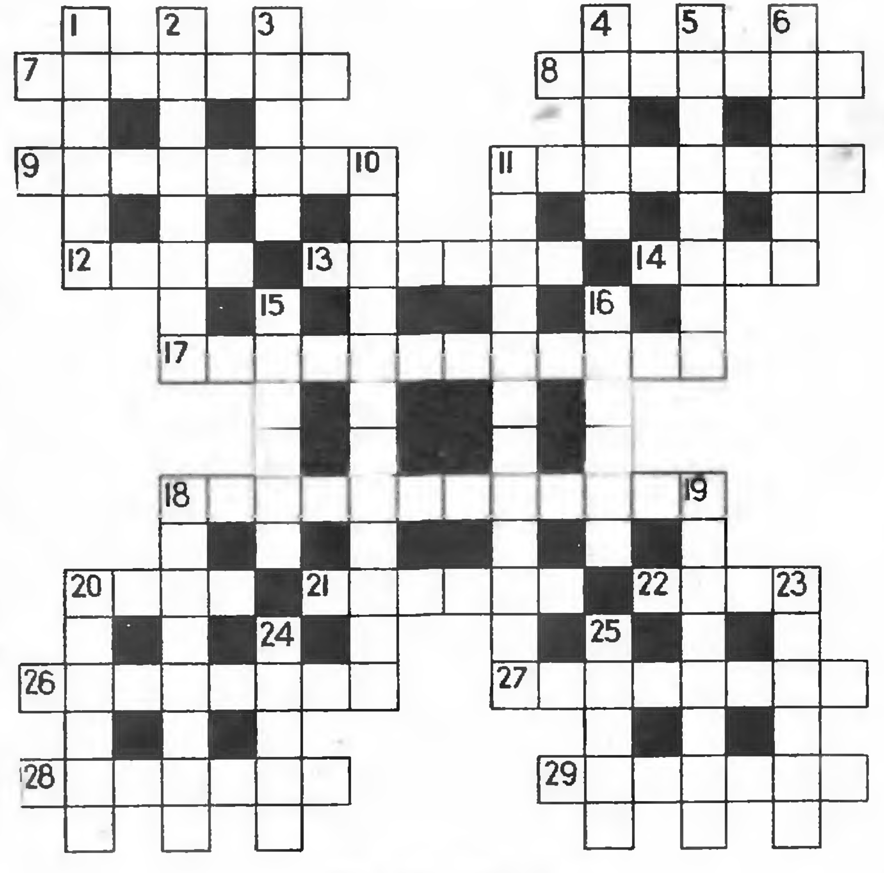
Жемчужина лежит на дне морском, а падаль плавает на поверхности.

Наглеца узнаешь по глазам, как осла по ушам.

Болезнь приходит как сквозь тележное колесо, а уходит как сквозь игольное ушко.

Железо, которым не пользуются, ржавеет.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Остров в Индонезии. 8. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 9. Русский советский писатель. 11. Величина в математике. 12. Кормовое растение. 13. Слой олова на поверхности металлических изделий. 14. Курорт в Крыму. 17. Воинское звание. 18. Отдел геометрии. 20. Денежное взыскание. 21. Город в Албании. 22. Часть земной поверхности между параллелями или меридианами. 26. Художник, изображающий военные сюжеты. 27. Мерило. 28. Государство в Южной Америке. 29. Марка автомобиля.

По вертикали:

1. Запас. 2. Оптический инструмент. 3. Нотный знак. 4. Род птицы. 5. Руководитель борьбы украинских крестьян против помещиков в XIX веке. 6. Отходы при обработке прядильных изделий. 10. Музыкант. 11. Масличное растение. 15. Русский полководец XVI века. 16. Твердое смолистое вещество. 18. Событие, производящее сильное впечатление. 19. Русский художник. 20. Потолок или часть его, украшенные живописью, рельефом. 23. Явление природы. 24. Деталь прицельного приспособления. 25. Горы в Румынии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 2

По горизонтали:

5. Стенография. 8. Колибри. 9. Гонорар. 13. «Парус». 14. Сицилия. 15. Пакля. 18. Каракал. 19. Яркость. 20. Симферополь. 23. Эстонец. 24. Бородач. 27. Титул. 28. Полином. 29. Родий. 32. Лебедев. 33. Обертон. 34. Металлургия.

По вертикали:

1. Отжиг. 2. Инерция. 3. Фагоцит. 4. Титов. 6. Попугай. 7. Кашалот. 10. Баратынский. 11. Фисгармония. 12. Ультрамарин. 16. Галилей. 17. Брюллов. 21. Кочубей. 22. Водород. 25. Кочегар. 26. Ломбард. 30. Резец. 31. Иргиз.

ПРОСТАЯ ЗАДАЧА

Встречаются ли среди четных чисел простые (те числа, которые делятся лишь на самого себя и единицу)?

Б. Федоров

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00701. Подписано к печати 9/I 1957 г. Формат бум. 70 × 108⅛ 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 105. Заказ № 3524.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Юные натуралисты в школе.

Фотоэтюд Ю. Чернышева.

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ СССР—ГЛАВХОЗТОРГ.

ЭЛЕКТРОПЫЛЕСОСЫ

«РАКЕТА» (Рисунок 1)
«УРАЛЕЦ» (Рисунок 2)
«ЧАЙКА» (Рисунок 3)
«ЭЛЕКТРОЩЕТКА-ПЫЛЕСОС» (Рисунок 4)
«УРАЛ ПР-56» (Рисунок 5)
«НЕРИС» (Рисунок 6)
«ПЭМЗ-I» (Рисунок 7)
«ВИХРЬ» (Рисунок 8)

1

2

3

Продажа электропылесосов производится во всех хозяйственных и универсальных магазинах.

Цена номера 3 руб.